

АЛЕКСАНДР КОНТОРОВИЧ

ЛОРД В СЕРОЙ
ШИНЕЛИ

Александр Сергеевич Конторович

Лорд в серой шинели

Серия «Рыцарь в серой шинели», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2474415

Аннотация

Волею случая заброшенный в неведомый мир наш современник не только выжил, но и стал владетельным лордом. Спасителем королевства от очередного мятежа знати. Но, увы, захваченный замок таит в себе жуткие тайны. А его истинные хозяева отнюдь не в восторге от нового обитателя. Не высказывает своего благорасположения и король – все произошло не по его повелению. Признала Сандра и встала рядом, поддерживает его только небольшая горстка Котов. А впереди стоят новые заботы и волнения. Как заслужить любовь окрестного населения? Как привлечь к себе людей? Ибо только страхом перед новым лордом невозможно заслужить преданности. И даже верный Рунный клинок не всегда может выручить в трудную минуту. Остается только память солдата, да опыт прошедших схваток. Мало? Как сказать...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

94

Александр Конторович

Лорд в серой шинели

Бзынь!

Выбитый из руки клинок с лязгом покатился по брусчатке.

– Неплохо! – Лексли удовлетворенно кивнул. – Будешь продолжать в том же духе – из тебя выйдет неплохой боец!

Неплохой – это по сравнению с кем? До рядового Кота мне еще расти и расти.

– Ну не все же тут умеют так биться на мечах, как это делаем мы? – словно уловив мой невысказанный вопрос, Лексли пожал плечами. – Обычного баронского дружинника ты и сейчас можешь гонять, как шелудивого щенка. А вот с профессиональным солдатом... тут еще нужно попотеть, да.

Он наклоняется, поднимает с земли глиняный кувшин и отхлебывает. Крякает от удовольствия.

Для меня было неожиданностью, что обыкновенного хлебного кваса тут еще никто не знал. Пиво – то варили в громадном количестве, а вот квас... Во всяком случае, когда я рассказал об этом Мирне, она немало озадачилась. Подробно выяснила рецепт и вскоре угостила меня квасом собственного изготовления. Правда, по своему обыкновению, добавила туда какие-то корешки и травы. Вышло даже лучше, чем оригинал. Напиток быстро завоевал популярность

в узких кругах, и вскоре к ней явилась целая депутация от местных трактирщиков. Нет, делать квас они начали очень быстро, но вот получить такой вкус, как у нее, никому так и не удалось.

По вполне понятным причинам меня по этому вопросу беспокоить не рискнули, а вот ей постарались сделать выгодное предложение. Но тут им повезло, пожалуй что, куда меньше. Моя сероглазка вдруг проявила нехилые коммерческие способности, чем немало озадачила визитеров. Однако в итоге все решилось к обоюдному удовольствию. Теперь окрестные мальчишки и девчонки резво скачут по горам, собирая разнотравье и выкапывая какие-то корешки. А уж Мирна составляет из них различные смеси, которые и отправляет трактирщикам. Для Котов же она готовит и вовсе особенный состав и никому его больше не дает.

Вообще на меня она надела весьма плотно, потребовав рассказать ей все, что я знаю о методах и способах лечения. И наши совместные вечера, вместо более приятного времяпровождения, надолго заполнились моими рассказами о всевозможных известных мне врачебных выкрутасах и сопутствующих этому вещах. Она тщательно все записывает и подолгу сидит над этими записями. Пока я силком не укладываю ее спать.

Вообще моя жизнь идет как-то самостоятельно и совершенно независимо от моих стараний и намерений.

После разгрома мятежной верхушки в стране наступило... какое-то странное затишье. Только теперь я начинаю понемногу осознавать, какую же громадную работу проделал покойный граф, готовя свой мятеж. В головы населения, надо полагать, вкачали такую неслабую дозу дезы, направленной на обеспечение успеха, что свержения короля все ждали как чего-то само собою разумеющегося. И без меня бы обошлись преспокойно. Но подвела графа страсть к красоте... В том смысле, что захотелось ему выстроить и вовсе уж безупречную конструкцию. Чтобы никто такого не то что сотворить – и придумать бы больше не смог никогда. Клинок Серого рыцаря должен был поставить в этой истории блестящую точку. Правильно говорят, лучшее – враг хорошего. Вот и лоханулся граф...

Полки не выступили. Мятеж так и не начался. Но почти никого из военачальников так и не сняли со своих постов. Сменили лишь парочку-другую наиболее одиозных чиновников. И – все!

Когда же я приперся с этими вопросами к Старика, тот лишь плечами пожал.

– А за что их снимать?

– За подготовку мятежа!

– Кого-то поймали за руку? С кинжалом в руках за спиной короля?

– Нет, конечно! Но ведь есть сведения...

– Какие? Письма с выражением недовольства? Люди, а особенно дворянство, имеют право высказывать свое мнение о происходящем.

– До тех пор пока это не пахнет чем-то большим.

– Хорошо. Покажи мне такое письмо. С призывом к мятежу.

– А что, их нет?

– Возможно, что и есть. Только никто не знает – где? У нас, во всяком случае, их нет.

– А снятые со своих постов чиновники?

– Хотя мы и знаем истинную причину их отставки, официально все выглядит совсем иначе. По-другому нельзя. Вожди могут найтись и новые – они уже не повторят ошибку прежних главарей мятежа. Тебя-то уж точно в гости не позовут...

Я только хмыкнул:

– Да уж... еще один замок не помешал бы...

Старик усмехается в усы.

– Не ожидал от тебя такой жадности!

Он смеется и наливает мне своего вина.

С замком действительно все получилось неожиданно. Поскольку покойный граф принял смерть от моей руки (причем, по настоянию епископа, это было преподнесено как благородный поединок), я формально мог претендовать на его наследство. И было оно весьма немаленьким. Помимо соб-

ственно замка тут были еще какие-то деревни и даже два города. Не шибко здоровых, но по местным меркам весьма небедных. И по каким-то там законам я мог все это заграбастать. Если только не вмешалась бы родня убиенного. По тем же законам они имели право вызвать меня на поединок. При этом причин для такового вызова у них было выше крыши. И грядущая бедность была в этом ряду далеко не последней, а как бы и не первой. Вся графова родня отличалась задиристостью и скверным характером, так что вызова можно было бы ожидать в самое ближайшее время. По тем же законам я не мог просто так отдать им все это хозяйство назад – меня бы просто не поняли и сочли это уж совсем за смертельное оскорбление. Так что ситуация была достаточно дурацкая.

Но массового сумасшествия в рядах родни так и не случилось – моя зловещая репутация послужила тому причиной. Скрестить клинки и копья с обычным рыцарем никто бы и не задумался. А вот выйти на поединок, исходом которого могло стать попадание прямиком в адские чертоги... Настолько сильно жаба никого не задушила.

Так что по прошествии четырех месяцев я официально вступил в права наследования. Ибо прочих претендентов на это не нашлось.

По совету хитромудрого попа я пожаловал графовой родне часть теперь уже своих угодий. «Для возможности продолжить безбедное и почетное служение Богу и королю» – во всяком случае, в грамоте было написано именно так. Ни-

каких сомнений, куда именно пойдут деньги, при этом ни у кого не было – родня славилась безудержным мотовством и любовью к загулам. Но нормы приличия требовали от меня именно такого поступка.

Была и еще одна причина. Приняв дар, родня навсегда и безусловно лишалась даже возможности когда-либо претендовать на утраченные угодья. Узнав про это, я высказал Эрлиху свои сомнения относительно моего щедрого дара.

– Они же его не примут, святой отец!

– Отчего ты так решил?

– Так у них есть хотя бы шанс вернуть себе прежнее положение. Приняв дар, они его утратят! Или... есть еще какие-то хитрые варианты?

– Нет. Отказ является окончательным и бесповоротным. Если они нарушат свою клятву... от них отвернутся все. И Церковь в первую очередь.

– Ну, с дворянством – понятно. Нарушить данное при всех слово... могут и в рыло насовать. А Церковь? Разве не ее долг поддерживать даже и таких, заблудших, людей?

– Преступивших клятву, данную на святых мощах? Опомнись, сын мой! Мы можем только молиться за них... навеки погубивших свою душу.

Да... что-то я еще не все в этом мире просек...

– А жаба их перед этим не задушит?

– Кто?

Объясняю епископу смысл этого выражения. Он звучно

смеется и прикрывает рукой рот.

– Они уже не воины. Драчуны и забияки – да. И отменные! А вот рискнуть головой и бессмертной душой, даже не за честь рода, а всего лишь за золото... нет, на это они уже не способны. Так что пусть не терзают тебя сомнения – ты отсекаешь гнилую ветвь некогда могучего дерева...

– Нечто вроде санитаря леса?

– То есть? – удивился епископ.

Я коротко растолковал ему свою точку зрения на мои действия по облагораживанию дворянского сословия. Против моего ожидания, Эрлих воспринял это вполне всерьез.

– Пока что ты не сделал ничего, что противоречило бы этим словам. Не сомневаешься же ты в том, что все... павшие в последнее время от руки Серого рыцаря дворяне, не являлись таким уж украшением своего сословия?

– Какое уж тут украшение... скорее – наоборот.

– Так в чем же дело?

– Что же теперь – с утра до ночи клинком махать?

– Зачем? Согласившись принять от тебя земли в дар, родня покойного графа тем самым приносит тебе вассальную присягу.

– Ни хрена себе подарочек!

– И как всякие узы между сюзереном и вассалом, это действительно накладывает и на тебя определенные обязательства.

Я мрачно посмотрел на епископа.

– Продолжайте уж, ваше преосвященство. Чую я, что этот замок мне еще боком выйдет...

– Боком или нет, а следить за порядком в своей земле обязан любой властитель. Как и за поведением своих вассалов.

– Охренть какое счастье! Мне их что теперь – за руку водить?

– Ну... это было бы слишком. Но вовремя призвать к порядку – обязанность лорда.

– Э-м-м... а им я когда успел стать?

– Графом ты можешь стать только в том случае, если король пожалует тебе этот титул.

– Святой отец, а разве эти земли не дают на него право?

– Это так. Но должен быть еще и указ о возведении в графское достоинство на основании этого права. И издать его может только король.

Черт его знает, как это было у нас. Возможно, что и так же. Но коллизия складывается любопытная...

Епископ с интересом следил за моими размышлениями.

– Ты этого не знал?

– Да как-то не до этого было...

– Королевский указ имеет и обратную сторону.

– Как-то вот я об этом догадался? И что я должен буду еще сделать?

– Признать себя королевским вассалом, а его – верховным правителем. Предупреждая твой вопрос, скажу, что доселе ни один Серый рыцарь этого не сделал.

– Не думаю, что я стану первым. И без графства проживу как-нибудь.

– Это твой выбор. Но вот должность лорда этих земель не требует королевского утверждения. Лорд – не титул и король его не дарует. Это обязанность, которую ты вынужден принять на себя вместе с этой землей. Приняв землю – принимаешь и обязанность по ее управлению.

А вот тут у нас все как-то иначе устроено было. Помню, что еще и пэры были, вот только не соображу – кто из них главнее? Да не один ли хрен? Попала нога в колесо – пиши, но беги...

– Да уж... не было печали... Что ж вы про это раньше-то не сказали?

– Не думаю, что ты будешь плохим лордом.

– Вашими бы устами, епископ, да мед пить! А подарить Церкви я все это не могу?

– Нет, сын мой. Такие подарки не предусмотрены. Но ты можешь иметь помощников, закон это разрешает и даже прямо предписывает.

– Где б их еще отыскать...

– Я попробую тебе чем-нибудь помочь.

На этой мажорной ноте мы и расстались. Эрлих вскоре уехал, а я остался в замке размышлять над своей печальной участью.

Вообще замок оказался гораздо большим, чем можно бы-

ло бы подумать, глядя на его стены снаружи. Чтобы только осмотреть его весь, потребовалось почти две недели. Да и то какие-то уголки так и остались не обследованными.

Первое время в нем царила прямо-таки пугающая пустота. Прежнему гарнизону доверять было нельзя. Бог весть, сколько там было сочувствующих прежнему хозяину замка? Поэтому сразу после капитуляции гарнизона всех солдат, заодно со слугами, выпустили за ворота и предложили им самостоятельно решать свою судьбу.

Первое время меня это абсолютно не чесало – в замке были Коты. Лучшего гарнизона я и представить себе не мог.

Но уже через пару дней состоялся разговор со Стариком. Я как раз занимался обследованием угловой башни. Здоровенная и мрачная, она была почти что отдельным строением в замке. От прочих построек ее отделяла крепкая стена со своими воротами. Зачем это было устроено, понять затруднительно. Стояла башня чуть особняком над крутым склоном и контролировала все подходы к замку со стороны гор. Даже по возрасту ее стены отличались от прочих строений – башня явно была старше замка, по меньшей мере – лет на пятьдесят.

– Любуешься новыми хоромами? – Старик присел на парапет стены и снял шлем, подставив волосы набегавшему снизу ветерку.

– Интересно же! – я примостился напротив него. – Не так много я видывал замков в своей жизни. Надо успеть осмот-

реть побольше, пока время еще есть.

– Собрался куда-то ехать?

– Ну... не век же нам тут сидеть?

– Нам-то да. А вот куда собираешься ехать ты?

– Ну... кто ж даст мне тут хозяйничать?

– А кто помешает?

Посмотрев на мою удивленную физиономию, Кот обстоятельно обрисовал мне существующий расклад. В его изложении картина повернулась ко мне под несколько другим углом.

– ...так что ты тут являешься, во всяком случае – пока, полным и всевластным хозяином. Любые твои распоряжения относительно доставшегося таким образом имущества – законны и неоспоримы. И не могут быть отменены даже королем.

– Ни хрена себе пельмень... И кому же это я могу приказывать?

– Да кому угодно! Понятное дело, что наместника король вскорости назначит нового, но вот земли и замок – собственность покойного графа, то есть теперь – твои. И все управляющие графа обязаны исполнять эти приказы беспрекословно.

– Хорошо, а кем в замке командовать? Ни солдат, ни слуг тут нет. Я уж было обрадовался тебе и твоим ребятам, но, судя по разговору, вы собираетесь уезжать. И что мне теперь – самому ворота караулить? Проще уж уехать с вами вместе.

Старик отрицательно мотает головой. Шутить он явно не намерен.

– Десяток человек я тебе оставлю. На первое время хватит. Авось с голоду не помрете – здешними запасами можно полк полгода кормить. А потом... потом придумаю что-нибудь. Да и ты сам должен дать горожанам и прочему населению почуять хозяйскую руку. Съезди в город, навести пару деревень. Кого-нибудь там подберешь – желающих попасть на службу в замок всегда было предостаточно. Оставлю тут Лексли – он поможет. Мирну попроси – уж ей-то говорить с народом привычнее, да и проще. Это Серого будут чураться, а с нее какой спрос? Про ваши отношения здесь никто не знает, так что будут с ней откровенны. Тем более она целительница, а их уважают всюду. Особенно среди простонародья.

Выхода у меня никакого не оставалось, да и по большому счету Старик был прав.

Так что уже через два дня я махал рукою уходящему отряду.

На следующий день меня озадачил Лексли. Явившись ко мне поутру, он бесцеремонно плюхнулся на подоконник (благо они тут широченные, не то что сидеть – лежать можно!) и протянул мне меч.

– И что я должен с ним делать?

– Старик сказал – гонять тебя, как первогодка. Чтобы уже

через пару-тройку месяцев не стыдно было бы вообще брать его в руки.

– А сейчас что? Неужто все так плохо?

– Тебе правду сказать – или как?

– Утешил...

– Завтра утром готовлю сопровождение – поедем в близлежащий городок.

– За каким рожном, позволь тебя спросить?

– Явим народу нового лорда.

– И где ж мы его возьмем?

– У тебя тут зеркала не заваялось? Покажу...

Вообще в поведении Котов изменилось очень немного. По отношению ко мне они теперь высказывали чуть больше уважения, во всяком случае, при моем входе в помещение вставали все, даже Старик. Но никакого подобострастия или заискивания у них не проявлялось. Можно подумать, они с Серыми рыцарями общаются чуть не ежедневно. Даже ревность какая-то появилась... Я ж не рядовой барон какой-то там! А с другой стороны... нормальные же парни. Чуток отмороженные, зато спокойные – как танки. Невозмутимые, им что я, что король, что барончик захудалый – все едино. Профи – иначе и не скажешь. Цену себе знают, оттого и нет им нужды ни перед кем расшаркиваться. На секунду я представил себе Старика на приеме... ну хоть у начальника ГУВД, например. Уверен, Кот и бровью бы не повел.

А вот генерала, вполне вероятно, кондратий бы и посетил... От крайнего возмущения независимым поведением визитера. Картинка была настолько явственной, что я плотоядно облизнулся. Эх и походил бы я с ними по гостям... Ну вот, завтра и начнем... тренировки. Руку набьем, заодно и морду кому-нибудь... язык отточу... В общем, делом займусь.

Словом, незадолго до обеда наша кавалькада въехала в городок.

Был он (по современным меркам, разумеется) совсем небольшим, даже стены у него отсутствовали. Вообще, как явление природы, даже частокола не видно. А вот ворота – имелись. И весьма основательные. В них как раз околачивалась парочка стражников. Увидев всадников, они проявили какое-то подобие внимания. А вот когда разглядели полотнище флага... Да не моего, а с кошачьей мордой...

Словом, когда мы въехали на площадь, тут уже присутствовала вся городская верхушка. Судя по их враз побледневшим лицам, на душе почти у каждого висели немаленькие прегрешения. И теперь они лихорадочно соображали – за кем? Понятно было, что десяток суровых Котов просто так не приезжает. Но вот по чью душу? Кого вовремя подтолкнуть, чтобы самому выкарабкаться?

Мы остановились напротив крыльца, на котором скопилась вся городская власть. Вперед выехал Лексли. Он и так-то не отличался особым добродушием, а уж сегодня...

– Кто тут главный? – спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Толпа напряглась и выпихнула вперед толстоватого мужичка.

– Э-э-э... с вашего позволения, это я.

– Ты? – смерил его удивленным взглядом Кот.

– Э-э-э... да. Городской голова – Вилеас Брот.

– Ага, – удовлетворенно кивает Лексли, – тебя-то мне и надо...

Среди прочих встречающих пронесся вздох облегчения, а городской голова еще пуще побледнел.

– Грамотный? – с подозрением осведомился Кот.

– Да!

Ишь ты, осмелел! Ну что ж, уважаю, под юбку к жене прятаться не стал. Уже плюс.

– Держи, – наклонившись с коня, протягивает ему пергамент Лексли. – Вслух читай.

Брот разворачивает свиток. По традиции все важные документы тут пишут на пергаменте.

– Сим уведомляются все жители графства Дору о том, что лордом и управителем всех земель, городов и замков графства отныне является лорд Сандр Ерш. Прежний лорд и граф Дарен Мег признан виновным в измене перед королем! Будучи вызван от лица Бога и короля на поединок, он пал от руки Серого рыцаря.

По толпе проносится вздох. Видать, сюда еще подробно-

сти не дошли. С одной стороны – плюс, никого вроде бы забирать не должны. С другой стороны – кто его, этого нового лорда, знает? Что за человек, какими закидонами страдает? Мало ли что ему еще в голову взбредет?

Городской голова заканчивает чтение и сворачивает свиток.

Так... теперь что-то должен сделать я?

Лексли спрыгивает с коня. Здоровенный мужик – а приземлился почти бесшумно. Точно – как кот!

Он подходит ко мне и почтительно склоняет голову.

– Милорд – народ ждет вашего слова.

И вот только тут собравшиеся, наконец, смотрят в мою сторону. Теперь, надо полагать, им понятно, отчего флаг с гербом графства везут именно передо мной.

Не торопясь слезаю с коня. До талантов Лексли мне еще далеко, и повторять его эффектный прыжок я не спешу. Да и не сумею, откровенно говоря, опыта у меня в этом деле мало. Да и в других... тоже не так чтобы до фига.

Поднимаюсь на крыльцо – оно тут же пустеет, все чиновники горохом посыпались с него на землю.

Что мне об этом рассказывали? Старик что-то говорил, да и епископ тоже долго объяснял. Только в голове сейчас пусто. Помню, что должны присягать. Только кто и в какой очередности? И кому? Я ведь тоже что-то должен. Вот только не помню – чего и кому?

Тем временем на площадь уже понабежало народу. Ну как же – событие! Новый лорд приехал!

Слева наблюдаю какое-то движение, поворачиваю туда голову. Поп. Выходит не торопясь из толпы и спокойно идет ко мне. Ну и правильно, ему-то с чего комплексовать? Его все эти смены лордов никак не затрагивают, у него свое начальство есть, и я с ним знаком.

– Здравствуй, сын мой, – говорит священник и широким жестом благословляет меня. Не возражаю и вежливо наклоняю голову. Мне сейчас всякая отсрочка к месту, а то голова что-то не шибко соображает.

– Возблагодарим же Господа нашего, – поворачивается поп к толпе, – за то, что кара, постигшая мятежного графа, не падет теперь и на наши головы!

Или я совсем баран, или это прямая подсказка к действию.

Толпа опускается на колени, только мой конвой по-прежнему в седлах.

Благословив заодно и толпу, поп отходит в сторону, но не слишком далеко. Правильно, будет хоть у кого спросить, ежели что...

– Пусть подойдет ко мне городской голова!

Правильно, а с кого ж еще начинать? Этот хоть не трус, что само по себе неплохо.

Скрипят ступени, и Брот поднимается ко мне. Снимает шляпу и держит ее в руках.

– Милорд...

– Что ты можешь мне сказать, Вилеас?

– Э-э-э... ваша милость... о чем?

А действительно, о чем? Что я хочу от него узнать? Неизвестно. Так, пойдём от противного – что мне от него нужно? Ну, тут уже проще...

– Я не спрашиваю, сколько ты успел украсть у прежнего графа...

Так! Попадание, голова аж пошатнулся. Что, городские власти везде одинаковые? Я думал, что хоть в средневековье так не воровали... идеалист...

– ...и не собираюсь за это карать. В таком случае мне пришлось бы повесить всю городскую власть...

Ох, как меня поддержали бы прежние сослуживцы! Да и тут, думаю, что праздник для населения был бы немаленький.

– ...но это в прошлом, Брот. Отвечай, клянешься ли ты служить честно мне?!

– Милорд! Да я...

– Не торопись... можешь подумать. Только не слишком долго. Я обещал забыть прошлое, но хорошо помню настоящее. И знаю гораздо больше, чем это тебе кажется на первый взгляд.

Ага, знакомое зыркание. Точно как домушник на допросе. Мол, мели Емея – твоя неделя! Ничего-то ты и не знаешь. Ну-ну... только вот тут у меня нехилый аргумент имеется...

и это не РП-73¹.

Шорох ножен, и на перила лег Рунный клинок.

– Тебе придется поклясться на этом... положить на него руку и произнести клятву. Ты знаешь, что будет с тобой, если ты солжешь.

Интересно, а в природе такая процедура была? Лексли стоит неподалеку, он явно все слышит, но не вмешивается. Блеф полный, но что я знаю про эти клинки? И что знают о них все остальные? Хватит ли кондрашка солгавшего?

Голова оглядывается на толпу. Облизывает пересохшие губы. Ему страшно. Да и я сам, на его-то месте, пять раз подумал бы.

– Да, милорд! – поднимает голову Брот. – Я дам такую клятву!

Присягать отказались четверо. Я даже удивился, что так мало. Всего чиновников было девять человек, так что городское управление сократилось чуть не вдвое. Так, хорошо, начинаем экономию бюджета. Впрочем, тут меня посетило разочарование – экономить оказалось нечего, никакой зарплаты им не полагалось. Вообще. Здесь всю царил принцип откупщиков. Обеспечиваешь установленное поступление бабла в казну лорда – излишки можно присвоить вполне официально. Ну уж, дудки! Я вам этот балаган поломаю! Поставив себе зарубку в памяти, на предмет усовершенствования налоговой системы, я, засучив рукава, взялся за осталь-

¹ Резиновая палка, состоящая на вооружении в милиции.

ное...

От голодной смерти меня спас Лексли. Войдя в канцелярию, он бесцеремонно выпроводил за дверь порядком подуставших чиновников и закрыл за ними дверь.

– Ты чего? – вскинулся я. – Только врубаться начал. А ты всю малину мне пообломал!

Кот удивленно оглаживается по сторонам.

– Малину? Где ты ее тут отыскал?

– А-а! Забей!

– Чего? И куда?

Постепенно остываю и поясняю ему свои слова. Лексли фыркает:

– Ты в курсе, что на улице уже темно?

– Разве?

– Да, представь себе. И в замок сегодня мы не успеваем. Я уже послал посыльного, чтобы он предупредил Мирну.

Ох я и лопух! О главном-то и позабыл.

– Ладно, – смягчается Кот. – Уже и чиновники еле на ногах стоят, загонял ты их. Пусть убираются, да и нам спать пора.

– Здесь, что ли?

– Ну, вообще-то, у лорда в каждом городе есть свой дом...

– Здесь тоже?

– Естественно! И весьма неплохой...

Дом, действительно, тут был. Впрочем, назвать его домом

язык не поворачивался. Скорее – домище! Роту солдат в нем можно было бы разместить без затруднений. И оказался он вполне себе обитаемым. На пороге нас встретил благообразный дедок – управитель дома. Поминутно кланяясь, он провёл меня к приготовленной спальне. Да уж... глядя на такие хоромы, можно заработать комплекс неполноценности! Одна кровать – так едва ли не больше всей моей квартиры!

Вот ее-то я сейчас и оприходую... Ничего не хочу, ни есть, ни пить – спать охота!

Шорох слева! А управитель и Лексли уже ушли...

Кувырок (куда только сон девался?), поворот... рукоятка клинка скользнула в ладонь – кто тут?!

Девчонка...

Вернее – девушка. Лет восемнадцати.

Стоит у кровати, вся бледная, прижалась к стене. Ну, еще бы! Видок у меня сейчас не самый гостеприимный.

Так... это еще кто такая?

– Ты кто?

– Она...

– Кто?!

– Это мое имя... Господин управитель прислал меня к вам...

– Это зачем еще?

– Чтобы я согревала вам постель...

Щас у меня кто-то огребет! Это хорошо еще, ежели до

Мирны данную новость не донесут. А ведь могут... тут глаз и ушей хватает.

Вылетаю разъяренным кабаном в коридор.

Дежурный Кот выскакивает из-за угла. Оружие уже наготове – расслышал топот моих сапог.

– Где Лексли? – спрашиваю я у него.

Он кивает и мгновенно исчезает за поворотом.

Уже не так быстро возвращаюсь в комнату. Клинок в ножах, сна – ни в одном глазу.

Стучает дверь, и появляется Лексли.

– Что у тебя стряслось?

– Вот! Полюбуйся! – тычу рукою в сторону девицы.

Он внимательно ее разглядывает.

– Хорошенькая! – делает заключение Кот. – Или тебе она не подходит?

Минуты две пытаюсь собраться с мыслями.

– Э-э-э... но ее прислали, чтобы она...

– Согревала твою постель. И что? Таков обычай.

– И как я должен буду объяснить все это Мирне?

Вот тут уже удивляется Лексли.

– Зачем?

– Ну... что я ей скажу?

– Так и скажи, – пожимает он плечами. – Что ж тут необычного?

– Но я не собираюсь ей изменять!

– Ну и на здоровье! Тебя никто не заставляет.

– Но... а с этой что делать?

– Положи в кровать, и пусть себе спит. Если тебе от нее ничего не нужно.

– Не нужно! А отправить ее отсюда я могу?

– Можешь. Ты – лорд, и это твое право.

– Вот и пускай топает домой!

– Это уж вряд ли. Туда она точно не попадет.

– Почему?

– Повесится. Или утопится. Или еще чего-нибудь сотворит.

– Чего это ради?

– Ты ее отверг. Это позор на всю жизнь. Для этого выбирают лучшую девушку города – так что это еще и позор для него и его обитателей.

Вот это нравы...

– А если она... того... помрет? Что будет после?

– С кем?

– Ну...

– Некоторые девушки совершали самоубийство после ночи с королем. Мол, второго такого мужчины в их жизни уже не будет. Их никто не осуждал. Так что для города этот вариант тоже подходит. Ей... могут помочь...

– А Церковь? Что она говорит в подобных случаях?

– Молчит. Этому обычаю уже столько лет... даже они не рискуют его опротестовать или порицать.

– И много тут таких... обычаев?

– Не слишком. Как-нибудь на досуге расскажу.

– Слушай... а себе ты ее взять не можешь?

– И что я буду делать с двумя девицами?

– Так и тебе... тоже?

– Сейчас я считаюсь начальником охраны лорда. Мне тоже должны оказывать такое уважение. Иначе это можно посчитать оскорблением лорда. Кроме того, я не уверен, что это позволит нам избежать, скажем так, нежелательных последствий...

– Ладно... черт с ней, пускай спит здесь.

Закрыв дверь за Котом, я повернулся к девице. Все это время она стояла в уголке, потупив глаза и теребя в руках свое платье.

– Ну, что теперь с тобой поделаешь? Давай уж, лезь под одеяло. Только – чур, ко мне не приставать! Усекла?

Она быстро-быстро кивает.

Отворачиваюсь к окну.

– Давай в темпе лезь! Я тоже спать хочу, прямо сил нет!

Шорох ткани – девица сбросила платье. Протопали по полу босые ноги, это она к кровати подбежала. Скрип, шорохи – лезет под одеяло.

– А!

Оборачиваюсь.

Отброшенное одеяло лежит на полу. На кровати выгнулось дугой тело девчонки. Губы закушены, в уголках рта вид-

ны струйки крови.

– Что с тобой?!

Прыгаю к кровати.

Изогнувшись, она с силой отталкивает меня в сторону. Не удержавшись на ногах, с грохотом падаю на пол, сшибая по пути тяжелое кресло.

Топот ног за дверью.

Створки дверей с треском врезаются в стены, и на пороге появляется дежурный Кот.

Прыгнув к постели, он отшвыривает меня еще дальше. А сам остается стоять с мечом наготове.

Она продолжает биться на кровати. Уже не хрипит, а кричит тонким высоким голосом.

Что с ней произошло? Судороги... мышцы свело сильно, девчонка почти дугой изогнулась. Яд? Очень похоже...

Грохоча сапогами, в комнату врывается старший Кот. Одного взгляда ему достаточно, чтобы оценить обстановку.

– Штору!

И двое прибежавших с ним слуг бегом выполняют этот приказ. Секунда – и тяжелая плотная штора сорвана с колец.

Лексли вместе с дежурным Котом растягивают ее в стороны и накрывают бьющуюся в судорогах девчонку. Та продолжает изворачиваться и лягает ногами с такой силой, что дежурного подбрасывает в воздух.

– Кинжал!

Подскакиваю к Лексли и сую ему в руку Рунный клинок.

– Нет! Не твой!

Бросаю клинок на пол (слуги шарахнулись в стороны) и выдергиваю из ножен кинжал. Лексли перехватывает его и с размаху бьет по изгибающемуся под шторой телу.

– Еще!

А этим еще раз пырнуть?

Выдергиваю кинжал у дежурного и кидаю его Коту.

Вот этот удар оказался точнее. Девушка перестала кричать и свернулась в клубок. По телу пробежала судорога... и все.

Коты садятся на пол. Вижу, как дрожат руки у дежурного, парня всего буквально колотит. Перевожу взгляд на слуг – на них прямо-таки лица нет.

Комната понемногу заполняется народом. Прибегает и дек-док-управляющий. Узрев результаты происшедшего, он хватается за сердце и отрубается прямо на пороге. Ору на слуг и заставляю их привести его в чувство.

– Сандр... – это Лексли. – У тебя есть это самое... твоё снадобье?

Тупо таращусь на него и соображаю.

А! Так это он про настойку Мирны! Семидесятиградусный (не меньше!) самогон, настоящий на каких-то корнях и травах, только что мертвецов на ноги не поднимал. Местные острословы (из числа самих Котов, между прочим!) уже окрестили его «трупоподъемником». Пару фляг этого зелья я всегда с собою вожу.

Подскакиваю к сумке и достаю оттуда одну из фляжек.

Запрокинув голову, Лексли одним махом высаживает едва ли не четверть содержимого! А ведь там поболее литра будет! Его напарник не отстает и тоже выливает в себя приличную дозу. Надо же! Не замечал я за ними раньше склонности к алкоголизму.

Лексли вытирает со лба пот. С него буквально течет градом.

– Так... – неожиданно хриплым голосом произносит он. – Повеление лорда!

Все присутствующие в комнате подобрались.

– Закройте все двери и окна! Никого не впускать и не выпускать! Хождение по комнатам и коридорам – запрещено! Нарушителя ждет смерть!

Он обводит всех собравшихся тяжелым взглядом.

– В доме Шерн...

С кого там Гоголь немую сцену писал?

Думаю, что в данном случае у него была бы превосходная натура...

Очистив комнату от посторонних, остальные Коты закрывают двери и выходят в коридор. Слышу грохот мебели (баррикадируют дверь?) и щелчки заряжаемых арбалетов. Прибежавшие вместе с Лексли слуги садятся в сторонке, около камина. Подхожу и молча наливаю им по полстакана «трупоподъемника». Возвращаюсь к столу, подтаскиваю побли-

же кресло и сажусь.

– Ну? – спрашиваю у сидящего напротив Лексли. – Может быть, ты хоть сейчас расскажешь мне, кто этот Шерн, которого мы все тут так опасаемся?

– Это не кто – это что.

– Хорошо. Что это такое?

– Это яд.

– Фу-у-у... Глядя на меры предосторожности, какие принимают твои ребята, я было решил что это ОМП!

– Что такое ОМП?

Кратко поясняю ему сущность оружия массового поражения. В нашем случае больше было бы похоже на бактериологическое.

Выслушав меня, он понимающе кивает, не забыв при этом щедро плеснуть себе «трупоподъемника».

– Да. Очень похоже. Надо полагать, что и ваши колдуны не брезгают такими вещами.

Да уж чем только у нас не брезгают! Это ты еще про все прочее не слышал... я тебе еще про толерантность расскажу – вообще обалдеешь! Ты еще про мультикультурализм не в курсе! Феминисток наших не видывал!

Странно, но Кот почти не опьянел.

– Но это – не простой яд. Это – королевский!

– То есть на барона он может и не подействовать?

– Не так. Он действует на всех, и от него нет противоядия. Просто никто не будет травить им барона.

– Почему?

– Это очень дорогой яд.

– Насколько дорогой?

– Если продать твой замок, присовокупить еще пару городов... не таких, как этот, а нормальных! То... может быть, и выйдет купить одну дозу яда.

– Охреносоветь... Из чего ж его делают?

– Этого никто не знает. Случаев его использования мало, и все они хорошо известны. Говорят, что в процессе приготовления яда нужно убить мучительной смертью несколько десятков человек. Преимущественно детей и молодых девушек.

– Да ну, на фиг! Чушь какая-то! Чтобы убить одного человека, проще уж нанять сотню головорезов – всяко дешевле станет.

– А кто тут говорит про одного человека? – удивленно смотрит на меня Лексли.

– Не понял...

– Последний, кто умер от этого яда, был король Лоран Шестой. Он имел все основания для опасений, ибо врагов у него хватало. Так, например, его пищу пробовало пять человек.

– Однако...

– Из которых трое умерло...

– Ни хрена себе работенка у них была!

– Поэтому отравить непосредственно короля было почти невозможно. Тогда отравили дочь его камердинера.

– А она-то тут каким боком прилепилась?

– Ты видел, как билась в судорогах Она?

– Эта девушка? Видел, конечно!

– Так вот, отравленный Шерном человек так себя не ведет.

Удивленно смотрю на Кота. Мой взгляд, брошенный на Кота, настолько полон откровенного и не терпящего промедления интереса, что Лексли решительно отодвигает недопитый стакан. Тяжело, как бы нехотя, он встает со своего стула и подходит к кровати. Внимательно смотрит на укрытое плотной тканью безжизненное тело...

– Отравленный человек бросается на первого, кого он увидит. Кусает его, царапает – все равно. Может просто плюнуть. Если попадет слюной в глаза или рот, то и этот человек также будет отравлен. Укушенный или оцарапанный – тоже.

– А после?

– Спустя несколько часов тот, кого отравили, тоже становится одержимым. И будет опасным для окружающих. И так далее...

– Как долго все это может продолжаться?

– Пока не умрет последний отравленный. Обычно это происходит на третий день.

– А скольких человек можно так перетравить?

– Вместе с Лораном Шестым умер весь его двор...

– Ни хрена себе...

Пытаюсь представить себе отравителя. Неужто он не предвидел таких последствий? Как-то с трудом могу себе это вообразить. Ведь небось яд добывал, деньги платил. Стало быть, знал, за что платит. Наверняка и на трон метил. Как же он собирался, в таком случае, королевством управлять?

– ...А после этого пришлось окружить войсками столицу. И никого оттуда не выпускать. Теперь это мертвый город, куда уже сто лет не ступала нога человека. Они все умирали довольно долго... Те, кого не успели застрелить солдаты, – Кот говорит негромко, но от его слов у меня по коже табунами скачут мурашки.

– Так они, что же – пытались вырваться из города?

– Да. Командовавший войсками генерал после всего этого принял яд.

– И что, нет никаких методов лечения?

– Нет. Церковь пыталась что-то сделать. Внутрь города ушло около двухсот монахов и священнослужителей. Даже три епископа. Ушли церковные целители – человек пятьдесят. Обычные целители тоже пробовали что-то сделать.

– И что?

– Ничего. На памятнике людям, умершим от Шерна, добавилось несколько сотен имен...

Молчу и перевариваю услышанное. Этот мир повернулся ко мне страшной стороной. Той, о которой я ничего не слышал и даже не предполагал ее наличия. Вот тебе и средние века! Да тут такие страсти происходят... Вот вам и неспешное существование, о котором так любят писать историки.

Поворачиваюсь к Лексли.

– Ты что-то говорил о том, как ведет себя отравленный человек...

– Да. У него резко возрастают силы. Такая девушка, как эта, – тычет он рукой в сторону кровати, – может свалить с ног сильного мужчину.

– Так и было.

– Только вот кричать она не станет. Наоборот, постарается сделать все тихо.

– Что же произошло в этот раз?

– История знает один такой пример. Когда отравили молодую жену короля Гэтана. Она очень любила своего мужа и смогла удержать в себе желание напасть на него. Правда, это вызывает очень сильную боль... человек почти сходит с ума.

– Ему нельзя помочь?

– Только убить.

– Почему же ты не взял Рунный клинок? Ведь один его удар решил бы все наши проблемы.

– Да. Она... не заслужила такой смерти. Ведь гораздо проще было бы просто тебя укусить...

– Сколько же ей пришлось вытерпеть... почему? Она совсем меня не знала.

– Ты не просто лорд. Ты – Серый Лорд.

– Это что-то значит?

– Смотря для кого... Для нее, видимо, значило.

– А для тебя? Ведь ты сразу понял, что тут происходит. Арбалет у охранника имелся... Можно было бы и не рисковать головой!

– Я клялся служить честно! И своей клятвы не нарушу.

– Но... ты служишь не мне.

– А кто заставлял тебя идти на верную смерть ради нас? И ради короля, который хотел тебя убить?

– Я не хотел смуты в стране. И гибели людей, с которыми уже успел подружиться.

– Долг красен расплатой, Сандр. Любой из нас поступил бы так же. Вспомни свой отъезд из лагеря.

– Помню. Вы тогда еще склонили передо мною штандарт.

– И что это значит?

– Откуда же мне знать?

– Штандарт нашей части склоняется только в трех случаях. При коронации нового короля. При приветствии нового Кота и при похоронах погибшего товарища.

– И какой же из трех случаев мой?

Лексли не отвечает. Он снова подходит к кровати и смотрит на девушку.

– Как много прошло времени?

– Чуть меньше часа.

– Сколько нам еще осталось, как ты думаешь?

Понятно... он думает, что кровь или слюна уже попали на кого-то из нас. Вот зачем и накрыл девушку шторой. Ясно, почему не бил дважды одним и тем же кинжалом – боялся, что брызги крови попадут на окружающих. Черт! Вот это хладнокровие! Прямо-таки боевой компьютер, а не человек.

– Да черт его знает! А как вообще происходит отравление?

– Я же тебе говорил.

– Ты говорил про того, кого укусит или поцарапает отравленный, так?

– Ну.

– А сам он как отравился?

Кот чешет в затылке. Впервые вижу его настолько озадаченным.

– Ну... таких сведений у нас нет.

– А почему, кстати говоря, ты настолько хорошо обо всем этом осведомлен?

– Коты всегда были рядом с королем. Рядом с Лораном Шестым – тоже.

– И?

– Последний из них поднялся на городскую стену и рассказал солдатам, окружившим город, все, что знал. Монахи записали его рассказ.

– А потом?

– Ушел назад. В город. В нашей казарме стоит стела, на которой написаны имена всех, кто погиб в тот раз.

– Это у вас всех так помнят?

– Всех. Но этот памятник – особенный. Они все знали, что умрут, и никто не бросил своего поста. Шансов выжить не было с самого начала.

Ладно. Более точных сведений мне уже не получить. Значит, остается использовать свои знания. Криминалист я или где?

Подбираю с пола клинок. Он так и лежит там, куда я его отбросил. Вот и индикатор отравления. Убираю его в ножны.

– Давай-ка еще одну штору сорвем, – поворачиваюсь я к Лексли.

Накрываю тканью тело девушки, прямо поверх первого покрывала. Где-то здесь ножницы были... ага, вот они! Отрезаю несколько кусков еще и от занавесей у двери, на них-то уж точно ничего не попало. Лексли безжалостно срывает одну из них и по моему знаку расстилает ее около кровати. Поочередно и очень осторожно вытаскиваю оба кинжала, обернув их рукояти отрезанными кусками материи.

Так. Кладем кинжалы на пол, на подстеленную занавесь. А теперь – рунный тест! Клинок знакомо чернеет. Точно – яд! И Рунный клинок его распознает.

– Становись-ка... – ставлю Кота напротив окна.

Плашмя провожу клинком по его рукам.

Рукав...

Щелкают ножницы. И отрезанный кусок летит к кинжалам.

Воротник рубашки...

Щелчок.

Все.

– Раздевайся!

Волосы... Прядь над левым ухом.

Щелкают ножницы.

Шея...

А вот тут что отрезать?

Видимо, мое лицо изменилось и это не укрылось от глаз Лексли.

– Что-то нашел?

– Да. На шее, сбоку.

– Вот, значит, как... – впервые слышу, как дрогнул его голос.

– Не мешай! Еще все остальное осмотреть надо.

Слава Богу, что более никаких непонятных и неприятных «меточек» клинок не выявил.

Убираю его в ножны и сажусь на подоконник. Кожа, насколько я знаю, неплохо защищает от всякого рода неприятных штук. Но что я знаю про этот яд? Да в общем почти ничего.

Так.

Сызнава пляшем от начала.

Имеем некую отраву, неизвестного происхождения и с

непонятной картиной первоначального отравления. Поражаемые части тела – глаза, рот и через кровь. То есть слизистые и кровь, если быть более точным. Слизистые... Накожного воздействия не отмечено. Значит ли это, что его нет?

– Лексли, как давно известен этот яд?

– Лет триста.

– Ого! И что, никого из отравителей так и не поймали за все время?

– Нет.

– Скажи, а вот если отравленный... ну, например, за руку тебя возьмет... что – тоже кирдык?

Он вопросительно смотрит на меня.

– Блин! Извини, – спохватываюсь я. – Прикосновения отравленного человека опасны?

– Конечно.

– Я имею в виду не царапины, а просто... ну, толчок, например.

– Не знаю. Таких сведений у нас нет.

Да... задачка. Без стакана и не поймешь...

Стоп...

Без стакана...

Спирт.

Точнее – мой самогон с сероглазковыми корешками.

А ну-ка!

В темпе отхватываю от многострадальной занавеси еще один кусок ткани и щедро поливаю его «трупоподъемни-

КОМ».

Подскакиваю к Коту и протираю опасный участок импровизированным тампоном. Этот долой, следующий... Еще разок...

А теперь – рунный тест!

Клинок цвета не изменил...

А тампоны? Первый реагирует, положительно. А вот второй... здесь реакции не отмечается.

И только сейчас я заметил, как дрожат мои руки.

Втыкаю меч в пол и сажусь рядом, прямо там, где и стоял. Руки мелко подрагивают, даже зубы, по-моему, постукивают.

– Все? – Лексли присаживается напротив.

– Похоже, что так.

Он молчит, переваривает услышанное. Могу его понять – не каждый день тебя из могилы вытаскивают. Да еще из такой!

– Я опять обязан тебе жизнью...

– А-а-а... брось! Мы тут все в одной лодке сидим...

Кот упрямо наклоняет голову.

– Как хочешь. Но у меня имеется и свое мнение.

– Давай после, а? Еще и меня проверить нужно, да и вон тех ребят не помешало бы.

Пользуясь моими подсказками, он тщательно проверил клинком меня всего. Подозрения вызвали только рукава рубашки, каковые были тут же отрезаны и отправлены в «за-

раженную» кучу.

После чего Лексли опустил клинок и развел руки в стороны.

– Все. Больше ничего нет.

На всякий случай смачиваю самогонкой еще один кусок ткани и протираю себя везде, где только могу. Рунный тест этого куска ничего не показал.

– Так, – говорю я Коту, – теперь займемся слугами. Оба парня так и сидели у камина. Поднимаю первого и в темпе устраиваем ему проверку. На нем ничего не нашлось, но одежду его мы на всякий случай отправляем в общую кучу.

Вообще, надо сказать, что видок у нас еще тот! Я в трусах, Лексли в набедренной повязке. Лица замотаны проспиртованной тканью. У меня меч, у Кота – ножницы. В другой руке у каждого разящие спиртом тряпки. Черт знает что подумать можно. На всякий случай уточняю у него – не было ли при отравлении признаков сумасшествия? А то еще примут нас за отравленных – из-за такого-то внешнего вида...

Он морщит лоб.

– Нет. С ума никто не сходил. Во всяком случае, на нас двоих так не подумают.

– Это еще почему?

– Среди Котов и Серых рыцарей таких случаев еще не бывало.

Ну... дай-то Бог! А то еще решат, что это как раз первый такой разок и приключился. Нашпигуют арбалетными бол-

тами – и мяукнуть не успеем.

– Второго давай, – киваю я в сторону камина.

А вот тут-то нас и ждал облом...

Когда Кот похлопал по плечу безмолвно сидящего слугу, тот мягко соскользнул по стене к его ногам.

– Это еще что? – наклоняется к нему Лексли. – Уснул, что ли? Вот это нервы!

– Стоп! – хватаю я его за руку. – Обожди...

Не торопимся... проверяем одежду... чисто. Голову, волосы... тоже в норме.

Прикрыв руки проспиртованной тканью, Лексли разжимает пальцы рук. Они у слуги сжаты в кулаки.

Левая рука – пусто.

Правая – аналогично.

Следов яда нет нигде.

А вот лицо слуги мне не нравится.

Губы закушены, черты лица искажены гримасой.

Отравление?

Очень похоже...

Проверяю клинком язык – чисто. Губы – та же песня. Яд он явно не сейчас принял.

– Смотри-ка, – говорю я Коту, – он себе губу прокусил! Аж до крови!

– Кричать не хотел, видать, здорово его крутило. Сильный мужик! Он же и не шевельнулся ни разу! Так, молча сел,

молча же и умер.

– Где ты вообще его взял?

– В коридоре. Там, слева от твоей двери, у них каморка. Сидят и ждут вызова. Это, вообще-то, твой постельничий.

– Мой?

– Ну, он в доме отвечает... отвечал за эту комнату. Меняет тут белье, кровать застилает.

Кровать?

Девушка вскрикнула, когда полезла под одеяло...

Подзываю к себе Лексли и поясняю свой план.

Я, конечно, понимал, что зрелище будет не слишком-то приятным, да и навидался я покойников столько, что Коту и не снилось даже. Чего стоил только один псих, который умудрился почти перепилить себе горло обычной ножовкой. Жуть с ружьем!

Но данное зрелище впечатлило и меня...

– Смотри, – говорит Кот, – она проткнула ладони рук ногтями – так сильно сжимала руки...

Действительно, на ладонях видны следы от этого.

Черт возьми, вот где настоящий героизм! Представляю себе, как ее, бедную, корежило...

Вся кровать щедро полита кровью, и клинок негодуяще чернеет.

Сорвав палку, на которой висят занавески, мы осторожно переворачиваем ею тело Оны. Лексли еще что-то ворчит, но

я уже не слышу его слов.

Вот оно!

Натренированный замечать всякие мелочи, взгляд профессионального криминалиста сразу же цепляет на окровавленной простыне инородное тело.

Было дело, я в немаленькой комнате одного серьезного учреждения отыскал «раздевшуюся» макаровскую пулю. За двадцать минут, между прочим. И сердечник подобрал, и разорванную оболочку – пуля, после удара об пол, разлетелась на части, которые рикошетом усвистели еще метров на тридцать. Так что собирал я ее по частям... Правда, врать не буду, малость металлоискатель помог. Но ведь там и комнатка была... раз в пять поболее этой.

Значит, смело могу ставить себе пятерку!

Клинок не то что почернел, а аж завибрировал!

Две пятерки! Даже три!

– Что это, Сандр?

– Вот он – яд...

В складках простыни лежал, еле заметный среди них, шипастый бронзовый шарик...

Отыскав среди всякого барахла кувшин, сделанный из цветного стекла, кончиком клинка закатываю туда шарик. Вырезав из деревяшки пробку, Лексли затыкает ею горлышко.

Еще раз тщательно осматриваю кровать. Нет... больше ничего тут не обнаруживаю. Да и смысл? Лежал шарик посередине кровати. Не я, так девушка, на него точно напоролась бы. Как, собственно говоря, и произошло.

Еще дважды мы обходим всю комнату. Уже рука устала тыкать клинком во все подозрительные места. «Трупоподъемник» извели почти весь, осталось только на треть во второй фляге. А в углу выросла немаленькая кучка опасного мусора.

– Ну что, Сандр? – смотрит на меня Кот. – Открываем двери?

– Только стрелков предупреди. А лучше – подзови к двери, и все подробно растолкуй. Через дверь. Чтобы не слишком волновались. Надо будет кого-нибудь в замок послать. Пусть Мирна сюда еще своего зелья привезти прикажет. Только саму ее удержите! Нечего ей тут делать! Это приказ! Хоть в кандалы закуйте!

Зеваю во все горло.

Отходняк? Очень даже может быть.

Ложусь прямо на пол, содрав для этой цели последнюю занавесь у двери.

– Хоть часок посплю, пока ты там дипломатией заниматься будешь...

Поспать однако удалось значительно больше. Сквозь сон я слышал голоса, двигали какую-то мебель, кто-то куда-то

что-то тащил... Потом все накрыло плотное одеяло тишины.

Проснулся я оттого, что невероятно затекла левая рука – ее я подложил под голову. Кое-как сфокусировав взгляд, смотрю по сторонам. В комнате уже висят новые занавески, кровати нет, как нет и кучи опасного мусора. У закрытой двери стоит кресло, из которого видны чьи-то ноги в сапогах. Хозяин сапог дрыхнет самым бессовестным образом – слышу, как он похрапывает. На полу около кресла лежит взведенный арбалет.

Перевожу взгляд на себя. Пока я спал, меня накрыли теплым и пушистым плащом из какой-то шкуры. Легкий и удобный, плащ почти невесом. Надо будет его для Мирны позаимствовать, авось не будут сильно бычить... Хотя, что я несу? Это же мой дом? Стало быть, и плащ – тоже. Ну, во всяком случае, дам денег, у меня в церковном банке они есть. Да и в замке что-нибудь отыщется... чай не дороже денег плащик-то будет?

Стоило мне приподнять голову, как храп прекратился и лязгнул подхваченный соней арбалет.

– Эй-эй! – бужу спящего. – Не стрельни спросонья! Тут все свои!

Над подлокотником поднимается взъерошенная голова.
Лексли.

Вполне естественно, а кого ж ты ожидал тут увидеть? Папу Римского?

Пару минут мы тарашим друг на друга сонные глаза. Ну

и рожа у него!

Хотя...

Думаю, что моя немногим краше.

– Жрать хочу! – с этими словами я отбрасываю плащ и встаю на ноги. – Пару часов поспал, а такое чувство, будто месяц не ел!

Кот хмыкает.

– Пару часов?

– А что – больше?

– Ты дрых, как убитый, почти сутки! Даже чуть больше!

– В натуре? – изумляюсь я.

– В окно посмотри!

Припадая на затекшую ногу, ковыляю к окну и приоткрываю плотную штору.

Н-н-да... на улице уже солнышко. Ну, ни хрена ж себе подремал!? Начинаю поворачиваться вглубь комнаты, и тут взгляд цепляет что-то на улице.

Что там?

Толпа.

Здоровенная, такой я тут еще не видел.

– Это что там за торжественная встреча? – киваю в сторону окна. – Епископа ждем? Самое время бы ему прибыть...

– Нет. За ним, естественно, послали, но он пока еще не приехал.

– А какого ж тогда хрена?

– Пока ты спал, слухи о произошедшем разнеслись по го-

роду.

– Неудивительно!

– И вся эта куча народу, неся зажженные факелы, двинулась к дому.

– Так вроде бы утро уже начиналось? Или тут такие обычаи – с факелами днем ходить?

– Они хотели сжечь дом со всеми его обитателями. Народ верит, что только таким путем можно остановить Шерн.

Н-н-да... ни одно доброе дело не останется безнаказанным... прямо как у нас...

– На случай попытки прорыва в толпе шло несколько сотен арбалетчиков.

Лихо они тут организовались! Эти-то таланты – да на благое дело бы!

– Ты меня обрадовал! И почему мы до сих пор не в аду? Они не решаются подойти к дому?

– Его можно поджечь и издали. Горящими стрелами.

– Продолжай в том же духе...

– Толпа уже собралась поджигать дом, а мы приготовились на прорыв. Ты спал и разбудить никак не удавалось. Поэтому мы завернули твое бесчувственное тело в плащ из шкуры морха и положили на носилки.

– С носилками понятно. А плащ тогда зачем?

– Шкура морха не пробивается стрелой. Ее можно только разрезать или распороть.

– Хренасе у вас тут бронежилеты! А что ж в ней тогда

полгорода не щеголяет? Уж бандюки точно бы на себя не то что плащи – трусы бы меховые напялили.

– Таковую шкуру, как эта, можно встретить один раз в десять-пятнадцать лет. Этот плащ граф Дарен купил, покрыв его золотыми монетами в один слой.

Так это все-таки мой плащик? Хорошо, хоть платить за него не буду. А то тут никакого бабла не хватит...

– Ну, хоть здесь ты меня обрадовал! Я-то хотел эту шкурку Мирне на плащ организовать.

– Безопаснее было бы повесить ей на шею мешок с золотом. Если она будет носить такой плащ, тебе придется посылать за ней отряд охраны не менее чем в двадцать человек.

– Шутишь? Где я их возьму?

– Такие плащи носят только короли. Ну... может, еще некоторые весьма знатные люди.

Ага, так покойный граф загодя к этой роли готовился? Интересно, а еще какие приготовления он успел сделать? Кстати...

– Слушай, а толпа вот эта... чего они там ждут? Когда мы выйдем?

– Я думаю, что они ждут тебя.

– Чтобы порезать на мелкие кусочки?

– Видишь ли, когда мы уже собрались пойти на прорыв, появился священник. Надо полагать, все эти события были и для него некоторым потрясением.

– Надо же!

– Он вышел перед толпой и спросил – что они хотят сделать?

– А это было не очевидно?

– Кому как... – пожал плечами Кот. – Ясное дело, что ему тут же пояснили суть их намерений. Все-таки Церковь тут уважают, и оставить без внимания прямой вопрос священника... это как-то нехорошо.

– Лорда своего поджаривать, стало быть, в порядке вещей?

– В ответ на разъяснения он спросил – знают ли люди о том, что Серого рыцаря нельзя отравить?

– А это действительно так? Что ж я тогда тут так выжибался?

– Не знаю. Может быть, и так. Священник дословно сказал следующее: «Вы знаете, что Серые рыцари смертны. Его можно убить как любого из нас. Но кто-нибудь слышал о том, что Серого удалось отравить?» Таковых в толпе не нашлось. И тогда он снова сказал: «Ничто не угрожало вашему лорду. Он мог просто уехать и бросить дом, вместе со всеми. Он – Серый, и законы нашего королевства к нему неприменимы. Но лорд остался и попытался спасти тех, кто уже был поражен Шерном. Для этого, помимо всего прочего, он отдал в чужие руки свое оружие, которое могло в этом случае принести смерть уже ему самому. И люди были спасены, угроза того, что Шерн выйдет в город – устранена. А сейчас ваш лорд лежит в беспамятстве, отдав все свои силы для спасе-

ния других. Вы напуганы и озлоблены и я вас понимаю...».

– А он-то все это откуда выведаль?

– От него под утро служба приходил, спрашивал, когда ты сможешь повидаться с отцом Дерихом.

– Кто это?

– Так это здешний священник и есть.

– Блин! Не знал, извини!

– Так что службе-то все и рассказали. В дом он не входил, говорили с ним через дверь, так что опосля таких новостей парень вообще исчез почти мгновенно. Он быстро смотался в Церковь, вот отец Дерих и успел сюда в самый раз.

– Да, в самый интересный момент и подоспел.

– А то! Мы еще выйти не успели, как он перед дверями дома появился. Вот... Ну, а как закончил говорить, взял у кого-то факел и вышел вперед. Повернулся к толпе и сказал: «Тот, кто еще хочет сжечь лорда и его людей – пусть выйдет сюда и возьмет у меня этот факел!»

– И что?

– Вон этот факел, до сих пор лежит на земле. Давно уже потух.

– А толпа чего ждет?

– Если через два дня никто не умрет и не станет одержимым – ты победил яд. Вот они и ждут, пока это станет очевидно.

– Стало быть, нам тут еще два дня сидеть?

– Да.

– А жрать мы что будем?

Смущенный Кот почесал в затылке.

– Вот с этим-то у нас незадача... Никто же сначала не знал, как именно пытались тебя отравить. Вот и собрали по моему приказу все съестное и... того.

– Что?

– Сожгли. Костер во внутреннем дворе развели и туда все побросали. Простыни и занавески – тоже. Ону... в общем, ее тоже сожгли.

– М-м-да... жаль. Я ее по-человечески похоронить хотел... Ну, да что теперь говорить-то? Пить у нас тоже нечего?

Лексли встряхнул в воздухе флягой.

– Это то, что я думаю – или?

– Или. Это вода.

– Много ее у нас?

– Тебе хватит.

– Лексли!

– Полведра.

– Атас... Ну, два-то дня мы тут продержимся. А вот если больше...

День тянулся медленно, как-то совсем неторопливо, словно нехотя.

Толпа не расходилась, лишь время от времени люди сменяли друг друга. Надо полагать, уходили на отдых. К вече-

ру улицы перегородили повозками, на которых спешно нарастили борта – видимо, всерьез опасались прорыва конницы. Благо наши лошади так и стояли под окнами у коновязи. Слава Богу, что хоть у них вода была. Вот с едой... тут обстояло похуже. Сено и овес они уже успели съесть и теперь беспокойно перебирали ногами, оглядываясь по сторонам.

Нельзя сказать, что это видел только я. Во второй половине дня кто-то из слуг, распахнув окно, крикнул горожанам, чтобы они покормили хотя бы лошадей.

Слышавший это Лексли только поморщился и отошел от окна.

– Что так? – спрашиваю я у него.

– Никто не подойдет к дому ближе, чем на тридцать шагов. Народ испуган. И людей можно понять.

– А если мы попробуем отвязать лошадей? Не знаешь, они подвержены заражению или отравлению этим ядом?

– Да вроде бы нет...

Минут через десять в доме приоткрылась дверь. По толпе сразу же пробежал шорох, слышный даже с такого расстояния. Но из двери вышел только мальчишка, который ухаживал в доме именно за лошадьми. Оглянувшись по сторонам, он делает несколько шагов в сторону коновязи. На площади наступает мертвая тишина. Вот отвязана первая лошадь, вторая...

Встряхнув гривой, она направляется в сторону ближайшей улицы.

Слитный гул множества тетив!

Сбитый с ног мощным ударом сразу нескольких арбалетных болтов, конь буквально отлетает в сторону.

Вторая лошадь падает недалеко от первой.

Потрясенный этим зрелищем, мальчишка вскидывает руки. Он что-то кричит и делает несколько шагов в сторону расстрелянных животных.

Первый болт ударяет его в плечо...

– Черт! – мой кулак с хрустом проломил тонкую декоративную панель на стене.

– Что? – удивленно приподнимает бровь Кот. Он стоит у окна. Чуть сбоку, так, чтобы его не было видно с улицы.

– Да ладно, забей... – понемногу остываю я. – Парня-то за что?

– Страх... Они и не уходят отсюда именно поэтому. Наилучший выход для них – если дом, вместе со всеми обитателями, провалится сквозь землю. Горожане и мышь отсюда не выпустят. Всегда есть шанс, что смерть выскользнет из кольца вместе с ней.

– Но ты же говорил, что был уже случай... про жену короля. Как вышли из положения тогда?

– Сожгли замок. Вместе с ее телом. Там все обстояло проще, это был охотничий замок и стоял он далеко от города.

– И что, так ни разу и не нашли отравителей?

– Я таких случаев не знаю.

– Слушай! А этот – слуга, что помер у камина, он где?

– В подвале. Там есть комната, мы натаскали в нее льда из ледника. В ней он и лежит.

– Ну, раз делать нам больше нечего, пойдем, посмотрим на этого паникера...

Осмотр тела показал однозначно одно – слуга умер от яда. Его печень недвусмысленно отреагировала на рунный тест. Хотя в данном случае клинок потемнел не так явственно. Надо же! А я уже начинаю отличать его реакцию. Вот на шарик он отреагировал как на смертельную опасность. На девушку – уже не так сильно, на тампоны – еще слабее. С точки зрения клинка, слуга, вернее, яд, которым его отравили, стоял существенно ниже. А вот на болт, которым меня ранили, он и вовсе по-особенному отозвался... Да, интересное мне все-таки досталось оружие! Чует мое сердце, что это далеко не все его возможности. Как вот только их выявить?

Поднимаемся в комнату слуги и устраиваем там тщательный обыск. Вот тут я всерьез удивил даже невозмутимых Котов.

– Значит, так! Заходим и смотрим. Запоминаем, что и где лежит. Почему это и почему именно тут? Отчего в таком положении, а не в другом? Кто хозяин комнаты? Как давно он в ней живет? Левша или правша? Наличие замков на двери, как быстро они открываются? Куда открывается дверь – внутрь комнаты или в коридор?

На лицах Котов написано неприкрытое удивление.

– Где он спит? Как именно – в смысле, куда головой ложился – к двери или к окну? Могли ли к нему зайти? Кто и по какому поводу? Иными словами – мог ли он какое-то время не отпирать дверь и не вызвало бы это подозрений?

– Зачем это? – ворчит один из них. – Тут и комнатка-то – переплюнуть можно. За несколько минут ее всю перевернуть – вообще не вопрос.

– Согласен! – киваю собеседнику. – Только вот какая завыка... Он служил тут уже шесть лет?

– Ну да. Управитель так и сказал.

– И что, данный постельничий был так уж сильно предан графу?

– Да граф и был-то в этом доме всего пару раз. И то – лет пять назад.

– Тогда отчего именно этот слуга стал отравителем? Зачем и почему он так долго и тщательно скрывал свою сущность? Особых причин любить графа у него не было, должность свою он занял по причине смерти прежнего постельничего и граф тут не причем.

– Откуда ты все это знаешь? – удивляется Лексли.

– Так и я тоже с управителем разговаривал – не забыл? Только вот я, в отличие от вас, кое-что другое выспрашивал.

Оставляю Котов переворачивать вверх дном комнату согласно полученным указаниям, и отвожу Лексли в сторону.

– Видишь ли, тут вот в чем дело... Не верю я в случайно-

сти, понимаешь? Ты посуди сам, он подложил мне Шерн и, в принципе, мог уходить, так?

– Так.

– Но он остался! Зачем? Что его держало? Он что, не понимал, что в случае успеха он умрет одним из первых? При чем – мучительной смертью!

Кот хмурится.

– Я думал об этом...

– И каков результат?

Вместо ответа он пожимает плечами. Понятно – никакого.

– Видишь ли, – беру я его за пуговицу на камзоле, – в моей истории встречались похожие... э-э-э... типы. Они иногда прилюдно убивали себя таким образом, чтобы это повлекло бы смерть окружающих.

– Зачем?!

– Долго объяснять. И это далеко не всегда были воины. Попадались и совершенно обычные, на первый взгляд, конечно, люди. Мне приходилось с такими мерзавцами сталкиваться и видеть последствия их действий. Так что некоторые моменты я вижу не потому, что умнее и прозорливее тебя, а просто в силу жизненного опыта. Это вы больше с нормальными людьми, пусть даже и с противниками, общаетесь. А я все больше с негодями воевал...

– И как?

– По-разному... Мелочь всякую давили, и довольно успешно. А вот тех, что повыше сидели... те уже нас гоня-

ли – и будь здоров как!

– Это как такое может быть? – Кот совершенно потрясен. – Вы же служили королю?

– Поднимай выше – как бы и не императору!

– И обыкновенные разбойники... осмеливались вам возражать?

– Ну... не совсем обыкновенные, только укравшие побольше остальных... Возражать? Хм! Это еще мягко сказано! Нас и в тюрьмы сажали и убивали... да много еще чего бывало...

Обалдевший Кот качает головой.

– Ну и жизнь там у вас была... видать, давно никто порядка не наводил...

На этот раз видение отряда Котов в приемной начальника ГУВД было столь явственным, что я аж поперхнулся.

– Да уж... бардака у нас хватало.

Стучает дверь и в коридоре появляется один из обыскивающих. Лицо довольное, только что не улыбается.

– Ну как? – в один голос спрашиваем мы его.

– Есть тайник!

Присев на корточки, рассматриваю нижнюю часть стены. На полу тут виден полукруглый след, который вполне мог быть оставлен откидывающейся вбок доской. Двигается она, надо полагать, на петлях, наподобие дверцы, и при этом оставляет следы на полу. Логично? Вполне.

Ложусь на пол и смотрю вдоль него. Полы тут натирают восковой мастикой, так, что они блестят, как зеркала. Но вот в этом месте пол поцарапан... не натирали? Но ведь мастика заполнила бы царапинки, и их не было бы видно.

– Лексли, – не оборачиваясь, спрашиваю у него, – как давно в доме натирали полы?

– Не знаю. Это важно?

– Да.

Топот ног – кто-то понесся выполнять приказание.

Как открывается тайник?

Наверняка где-то есть пружинка или рычажок. Только где? Насколько я знаком с устройством тайников, она может быть где угодно.

Снова забухали по полу сапоги – вернулся посыльный.

– Полы натирают каждый день. В таких комнатах – раз в два дня.

То есть – перед нашим приездом пол натирали.

Так... все встает на свои места. Здесь эта пружинка...

Внимательно осматриваю стену.

Ага! Метка.

Еле заметная, примерно на уровне колена, слева от предполагаемой дверцы.

– Все в сторону!

Отодвигаюсь влево и припасенным заранее длинным гвоздем нажимаю на эту точку.

Щелк!

Ничего не происходит, только кусочек стены подался внутрь.

Убираю гвоздь, и он тут же встает на место.

Есть второй ключ?

А ну-ка...

Вот он.

На уровне пола, на этот раз справа, из стены выглядывает шпенек. Недлинный, около двух сантиметров. Отпускаю гвоздь, и он скрывается в стене.

И что с ним надо сделать?

Тянуть? Маловероятно, он тонкий и неудобный для этого.

Двигать вбок или вверх? Тоже не выйдет.

Вариант один – нажать.

– Да, давай я на него нажму! – вызывается Лексли.

Отрицательно мотаю головой.

Зачем такая странная система открывания?

Еще раз.

Левой рукой нажимаю на левую метку, а правой?

На шпенек?

Открывшаяся дверца будет как раз напротив моих коленей. Вернее, это я буду напротив нее.

Угу...

Ищите дураков в зеркале, господа хорошие!

Выгнав всех из комнаты, придвигаем вдвоем с Лексли к стене тяжелый буфет и прижимаем им гвоздь, упертый в метку. Заодно ставим его на пути дверцы тайника при ее откры-

вании.

После чего рукояткой принесенной снизу метлы надавливаю на шпенек.

Щелк!

Тюк!

Заглядываем за буфет. В его задней стенке застряло изогнутое подпружиненное лезвие. Оно так бы и рубануло по ногам открывающего дверцу. Лезвие тонкое и гибкое, но сапоги или одежду прорезало бы легко. Рунная проба показывает яд. Слава богу – не Шерн. Разумеется, за дверцей, кроме этого самого лезвия, ничего нет.

– Ну? – ехидно поворачиваюсь к стоящим в дверях Котам. – Тайник, говорите вы?

Они сконфуженно молчат.

– Все обыскали?

– Да... – отвечает кто-то из заднего ряда. – Больше ничего не нашли.

Лады... уже самостоятельно обхожу комнату по периметру. Тут они прошлись... здесь тоже делать нечего... и здесь...

– Покойный левшой был? Или как все?

– Ложку правой рукой держал.

Подзываю к себе ближайшего Кота.

– Таген, вот если ты с кровати этой встать будешь... какой рукою станешь себе помогать?

Вопрос не праздный.

Кровать стоит в углу, наполовину задвинутая шкафом для белья. Ее даже не сразу можно рассмотреть из-за этого. И если лечь в нее можно без особого труда, то вот быстро встать без помощи рук – проблематично.

Он примеривается, ложится, встает.

– Вот так!

Он тоже правша, так что все соответствует. Задняя стенка кровати в этом месте вся вытерта от многочисленных касаний руки.

– Угу... А кто мне тогда ответит – отчего вот эта стойка словно бы отполирована? – тычу пальцем в декоративную деталь на боку у шкафа. – Чтобы встать – она не нужна, а пока не ляжешь, до нее не доберешься. Он что, во сне ее гладил? С чего бы это? Да еще и левой рукой?

Тайник оказался там...

Перекусываем в моей комнате. Еды немного, но по кусочку всем достается. Хуже с водой. С ледника принесли льда, но полученная таким образом вода была невкусной и с неприятным запахом. Конечно, на безрыбье и рак сойдет... но пить ее как-то не тянуло. Впрочем, чтобы напоить почти два десятка человек, включая слуг, и этого было слишком мало. Так что остатки льда извели полностью. Утром будем сосать лапу...

Ночь прошла беспокойно. Отблески факелов на потолке складывались в причудливые картины, а прорывавшиеся с улицы звуки рисовали в моем воображении и вовсе мрачные образы. Так что заснул я только под утро.

Разбудил меня тихий говорок.

Вскидываю голову и вижу, как в дверях о чем-то шепчутся Лексли и кто-то из Котов.

– О чем базарите, бояре?

Собеседники удивленно поворачивают головы в мою сторону. Лексли смущенно кашляет.

– Ну... мы тут это... за водой хотели сходить – у коновязи-то она есть.

– И как? Всем убежать удалось?

– Гхм-м... Дака по руке задело стрелой, еле успели назад заскочить.

– А ты думал там, на площади, лопухи ждут?

Сна – как не бывало. Настроение испортилось уже с утра.

– Какой сегодня день?

– Понедельник. А что?

– Ничего себе неделька начинается...

Видя недоумение на их лицах, рассказываю им старый анекдот, адаптировав его к местным реалиям. Почему-то улыбок это не вызывает...

– Как толпа?

– Ждет. Больше не стреляли.

– Резюмирую. Еды у нас нет. Воды осталось пара фляг, по-

сле этого – вилы! Так что, приказ по гарнизону – всем спать! Оставить пару часовых и – в койку! Кто спит – тот ест!

– А относительно воды такой поговорки нет?

Закончив ржать, отсылаю людей выполнять приказание.

Спать – хорошо!

Особенно, когда ничего не висит над душой и некуда спешить. Тогда и сон, что говорится – в руку, и встаешь отдохнувший и довольный. А вот когда спишь просто от безысходности, дабы чувство голода и жажды заглушить... сон какой-то неправильный получается. Нет, в принципе, я мог встать и пойти сожрать чего-нибудь, да и воды глотнуть – никто бы и слова не сказал. Лорд я – или где? Но вот выглядеть по-свински в глазах окружающих... такая перспектива меня не радовала. И хотя я понимаю, что тут отношение к вышестоящему гораздо серьезнее, чем у нас – ничего с собой поделаться не могу. Назвать это чувство совестью? Не уверен, что это именно она. Да и неохота мне сейчас влезать во все эти тонкости. Лучше спать, хотя и сна-то уже ни в одном глазу. Ну, хоть поваляюсь...

Однако и этого мне сделать не дали. Когда в коридоре за скрипел паркет под чьими-то сапогами, я, даже с некоторым облегчением, приоткрыл глаза.

И ничуть не удивился визиту дежурного Кота.

– Что там у нас?

Понятное дело – он не так просто пришел. Знает, что лорд

спит, и будить его, мягко говоря, не комильфо. Но – пришел. Значит, причина есть, и серьезная.

Нервным движением он поправляет перевязь с мечом.

– Там... там Мирна пришла...

Еще гуляло по спальне эхо от моего возмущенного крика, а я уже летел вниз, на ходу перепрыгивая через несколько ступенек.

Кой черт ее сюда приволок?! Зачем?! День еще выждать – и вышли бы мы все! Тогда и повидались бы. Хотя, честно скажу, тосковал я по ней очень.

У самой двери на улицу меня перехватывает постовой Кот.

– Нельзя на улицу!

– Пусти!

Но он непоколебим, вцепился в косяки – рук не отодрать. Пока мы, сопя, возимся около нее, сверху горохом ссыпаются остальные Коты. Меня хватают за руки и оттаскивают в сторону.

Взъерошенный Лексли пробивается сквозь толпу.

– Ты сошел с ума?

– Но – там Мирна!

– Там не только она! – и меня волокут к окну.

Уже смеркается, и заходящее солнце отбрасывает на площадь изломанные тени от крыш домов и труб на этих крышах. Но видно все достаточно хорошо.

В первом ряду толпы стоит стройная шеренга окольчу-

женных солдат. Глухие щиты-павезы, надвинутые шлемы и острия пик, торчащие из-за щитов. Заходящее солнце окрашивает их в красный цвет. Над спинами первой шеренги поднимаются арбалеты. Много, не менее полусотни. На заднем плане видны горожане. На лицах, насколько я могу отсюда рассмотреть, написано смущение и растерянность.

– Кто это?

– Не знаю. Но это явно не городское ополчение. Они пришли еще три часа назад. Но в первые ряды не лезли, чего-то ждали. Стоят вот так уже минут двадцать. Толпу оттеснили и в первые ряды не пускают.

– Это только здесь так?

– Везде – то же самое. Они чего-то ждут... Просто здесь площадь относительно широкая, оттого их тут и больше, чем в других местах. Все-таки вероятность нашего прорыва тут выше, чем где-то еще. Там переулки узкие, десяток-другой ополченцев перекроет их без проблем. А если еще и стрелков добавить – вообще ловить нечего.

Еще раз выглядываю в окно – где же Мирна?

Вот и она.

Перед шеренгой, метрах в тридцати от нее. На земле рядом с ней наклонилась набок, тяжелая по внешнему виду, корзина. От дома ее отделяют те же тридцать метров.

– Давно она тут?

– Совсем недавно, только вышла.

– И солдаты ее пропустили?

На меня с удивлением уставилось несколько пар глаз.

В чем дело?

– Никто, ни король, ни епископ не может остановить своим приказом целителя, идущего к больному или раненому, – разводит руками Таген. – И ни один солдат не выполнит такого приказа, если он его получит.

Я чего-то не знаю?

– Почему?

– Если этот человек умрет, то любой сможет сказать солдату – ты не пропустил целителя и оттого смерть больного на твоей совести. Это тяжкий грех – препятствовать исцелению. Никакое покаяние не снимет его. Причем это касается также и лица, отдавшего приказ. Если родственники умершего его ранят или даже убьют – это их право. Суда не будет.

Однако!

– И... часто так бывает?

– За последние сто лет такого случая не было.

– Почему же тогда Мирна не входит в дом?

– Мы, вернее, ты – можешь ее не впустить. Тогда – грех воспрепятствия исцелению на тебе. Но и назад она уже не уйдет. Выйдя за линию солдат, она почти что умерла для всех остальных. Вернуться назад она может только вместе с нами.

– Или?

– Или не вернется совсем. Если она повернет назад – ее убьют арбалетчики.

– Откройте мне дверь!

Вместо ответа Лексли показывает мне на две группы стрелков.

– Смотри, они держат на прицеле двери и окна. Явно ждут того, кто выйдет из дому.

– Хочешь сказать, что они ждут меня?

– А откуда тут вообще взялись эти солдаты? Да еще в таком количестве? Только на первый взгляд их здесь не менее пятисот человек! Наверняка это еще не все, кто-то сидит на крышах и у окон.

Взгляд на Мирну. Губа у нее закушена – да она еле на ногах стоит!

Подтаскиваю Кота к окну.

– Как долго она еще там простоит?

Он смущенно отводит глаза.

– Ну... она девушка крепкая...

– И простоит там до нашего выхода? А ты уверен в том, что это вообще произойдет?

Лексли молчит.

– Где шкура этого... ну, что не пробивается стрелами?

Кивок – и кто-то затопал сапогами.

– Кольчугу надень... и поддоспешник, стрелы бьют больно, даже и через шкуру. Синяки будут все равно.

Оптимист! Синяки... да полсотни арбалетчиков меня просто сметут залпом, я и выйти не успею! А уж упавшего, если и не убьют сразу, то просто забьют болтами насмерть!

За каким же рожном я тогда прусь?

Если честно, то некий расчет у меня имелся.

Солдаты эти не из воздуха возникли, они наверняка были где-то рядом. Подстраховка отравителя? Отчего бы и нет?

Но в атаку они не двинулись и дом пока еще не зажгли... Отчего же? Ведь еще день, максимум два – и мы выйдем. Так? Это если с нашей точки зрения судить. А всей информации они не знают... Знает поп, но он тоже высказался как-то округло... неконкретно. А, кстати говоря, почему? Он и подробнее рассказать мог. Но не рассказал. Ох, чует мое сердце, что это «жу-жу» неспроста... Что-то поп знает... И зачем он так рвался на аудиенцию? Хотел поговорить? А, может, рассказать? Эх, кабы знать!

Но об этом можно и после подумать.

Сейчас есть задачка и поважнее.

Будут ли солдаты стрелять?

По Котам – безусловно. Они сейчас никому не интересны и их жизнь мало что значит, по сравнению с моей. За их смерть отвечать в такой ситуации никто не станет. Легко объяснить – мол, они обезумели и кинулись на солдат. Может и прокатить.

А по Серому?

Цель всей комбинации – я. Точнее – моя жизнь. А еще точнее – моя голова, долженствующая украсить чью-то коллекцию. Пусть даже и виртуально. Что грозит отдавшему такой приказ? Да ничего ему не грозит, кроме... а вот с попами он ругаться не станет... им-то я живой нужен! Во всяком

случае – пока... Вот ежели я своей смертью помру (то бишь – от яда), его вины в этом нет. По крайней мере, очевидной. Мало ли кто отравить меня мог? А вот если лорда завалят солдаты... осадочек будет... а уж подозрения – так наверняка! Не пойдет на это неведомый злодей. С точки зрения обывателя, и, что важнее, Церкви, Серые – куда как более уравновешенные товарищи и просто так их с ума не свести. Помереть такой персонаж может, а вот с катушек слететь...

Хорошо, пусть так.

Все ли солдаты об этом знают?

Не все, даже и офицеры, точняк, не все в курсе дела. Один-два, может, и получили какой-то отдельный приказ, но до всех его доводить – утечка информации гарантирована. Значит, работают солдат втемную. Их подняли для устройства кордона от Шерна – это им уж точно растолковали. Как тут поступить, это за пару сотен лет наверняка уже наизусть вызубрили. Что там Лексли говорил – тридцать метров? Вот и проверим...

– Все! – хлопает меня по плечу Кот. – Готово!

Ну и навешали на меня... Поддоспешник, пара кольчуг, шлем, поножи, да еще и шкура эта... Вот смеху-то будет, ежели я во всем этом наверняка и встать не смогу самостоятельно!

Толкаю дверь!

В-в-в-жух!

Воздух словно бы заполнился болтами. Они густо барабанили по двери, косяку, несколько штук влетело внутрь. Хорошо, что напротив двери никого не было.

По шкуре ощутимо садануло – попали!

Да и не раз...

Как на ногах-то устоял... сам не понимаю. Еще пара попаданий – и катился бы по полу.

Однако же легенды не ввали – пробить эту штуку не удалось.

А вот теперь у них перерывчик – перезарядка...

Вперед!

В несколько прыжков преодолеваю расстояние до Мирны и закрываю ее собой.

Слышу щелчки – это заряжают арбалеты стрелки. Копья качнулись и выровняли линию.

– Назад отходи!

В моей руке блеснул Рунный клинок, и вся шеренга солдат инстинктивно сделала шаг назад, сбивая прицел стрелкам.

– Не стрелять!!! Мы уходим в дом!

Эдак и глотку сорвать недолго...

Но – подействовало, арбалеты нерешительно качнулись. А страшно это со стороны небось выглядит! Ведь то, что в меня попали, наверняка видели многие. Соотнесли ли это со шкурой или нет – бог весть, но впечатление это наверняка произвело на многих. Стрелы меня не взяли, а лезть врукопашную – дураков нет.

Тем паче, что и я агрессии не проявляю – ухожу. Вроде бы и причин для стрельбы пока нету.

– Слева! – стеганул по ушам крик из дома.

Локтем левой руки валю Мирну на землю и вскидываю правую руку, повернувшись влоборота. Закрываю ее шкуркой от стрел. Повисший на руке плащ дергается. Раз, второй.

Вот, значит, где осведомленные товарищи стоят – на левом фланге. Ну, хорошо, буду знать, где вас после разыскивать.

Слышу звон клинков и чуть опускаю руку.

Так...

Дознание мне проводить уже не придется...

Несколько солдат рубят в капусту каких-то типов с арбалетами. Ага, так они еще и не из вашей части, судя по всему? Ну да, форма на них немного другая, да и кольчуг не видно.

Продолжаю пятиться назад.

– Правее!

И вот уже дружеские руки втаскивают нас в прихожую.

Лязгает засовом дверь, и только тут я чувствую, как болят мои многочисленные синяки...

– Ты сумасшедшая! – прижимаю к себе сероглазку. – Ну, скажи, зачем, зачем ты пошла сюда?!

– А что я должна была делать?

– В замке сидеть! И ждать меня!

– Или вести о том, что вас всех сожгли...

– Ну, отчего ты всегда видишь во всем происходящем только грустные стороны?

– А тут есть еще и веселые? – она с интересом оглядывается по сторонам. – Покажешь?

– А по попе?

– Можешь меня отшлепать, – соглашается она. – Главное, что я теперь с тобой рядом и больше ничего тебе не грозит.

– Да и раньше не слишком-то...

– Если бы я не вышла к дому, – не соглашается Мирна, – он бы уже пару часов как горел синем огнем.

– С чего это вдруг?

– Я слышала такие разговоры. Такой вопрос обсуждался вполне серьезно. Даже воду подвезли, чтобы отстоять другие дома, если на них перекинется огонь. Тогда я сказала им, что пойду в дом и сама там все посмотрю. Меня поддержал городской голова, хотя были и те, кто возражал.

– Вот уж я с ними опосля всего побеседую...

– А пока – снимай кольчугу! Буду смотреть, что там у тебя такое!

– А что – должно было вырасти что-то новое?

– С тебя станется!

Появление Мирны подняло нам всем дух. Тем более что в ее корзине, которую она успела-таки прихватить в дом, была и еда и вода. И не только вода...

Так что этот день завершился уже совсем на другой ноте, нежели предыдущие.

Перед сном я отловил-таки Лексли и спросил – видел ли он стычку среди солдат?

– И очень хорошо. Я же наверху с двумя арбалетами сидел, тебя прикрывать старался. Хотя, честно говоря, это уже был бы жест отчаяния. Если бы мы начали стрелять из дома...

– Да... Мирна сказала, что нас не подожгли только благодаря ее решению пойти в дом самой.

– Вот как? Это у кого ж такая идея родилась?

– Не знаю. Но городской голова был против этого, и подержал ее. Вот и не стали нас поджигать.

– Ты смотри, а он крепким мужиком оказался. Надо будет с ним после всего выпить.

– Дай только вылезти отсюда – три дня гулять будем! Да, а что там со стрелками-то было? Рубить их за что стали?

– Так получилось-то, что они не в тебя стреляли.

– А в кого?

– В Мирну.

У меня отлила кровь от щек.

– Ты... точно это видел?

– Если бы ты не сбил ее на землю... да и не закрыл плащом...

Скрип моих зубов, наверное, был слышен даже на улице.

– Вот остальные солдаты и не выдержали. Они-то это тоже видели. Такого поступка здесь не простят... особенно в данной ситуации. Человек идет на смерть, чтобы спасти город.

А тут кто-то хочет ему помешать... Стрелявшие еще легко отделались, их могли и на куски разорвать.

Вот, значит, как... Убей они сероглазку – планка у меня точно бы упала. И нашинковал бы я там народу... тихий ужас... И все было бы, как по заказу. Дом бы сожгли, меня тоже придавили бы где-нибудь... супротив такой толпы долго не выстоять.

Увидев мою реакцию на данные известия, Лексли не на шутку взволновался.

– Да разберемся мы, не переживай.

– Ладно... – хлопаю я его по плечу. – Пойду спать. А то все тело в синяках, лишний раз не повернешься...

Следующий день прошел уже значительно веселее. Еда пока была, да и солдаты вели себя уже не так настороженно.

По предложению Мирны, мы не подаем признаков жизни, только окна открыли. Время от времени кто-то из нас в них показывается. Но толпа уже не реагирует на это так остро.

К полудню цепь солдат поредела, часть отошла куда-то в тыл. Надо полагать, на отдых.

Меньше стало и народу.

Правда, эту ситуацию сероглазка нам разъяснила. Расставленные вокруг города военные посты не давали уехать никому. Тем не менее, часть горожан выбралась-таки за оцепление, и теперь они сидели в роще, ожидая известий. Уехать никуда они не могли, а в своих домах оставаться бы-

ло страшно.

К вечеру на площадь вытолкнули тележку. На ней было что-то съестное и бочонок, надо полагать, с водой. Втащить поклажу внутрь мы втащили, но вот трогать ничего не стали. И хотя рунный тест ничего не показал, рисковать никому не хотелось.

Последняя ночь... Спал я плохо, да и не одному мне сегодня не спалось. Все понимали – таинственным противникам остался последний шанс. Или сегодня ночью мы умрем, или завтра выйдем отсюда героями. Лексли облазил все подвалы, ничего не нашел, но дверь наверх все-таки завалил наглухо. По моему совету мы содрали отовсюду все ткани и тщательно законопатали щелки в этой и в двух последующих дверях. Все припасы с тележки также свалили в подвал.

Отдыхали не раздеваясь, дремали все вполглаза, дежурные сменялись каждый час. Под утро я наконец забылся в коротком и тревожном полусне...

Проснулся сам. И вовсе не от того, что кто-то начал ломиться в дверь или орать дурным голосом. Минуты две лежал, пытаюсь понять – что же меня разбудило? И только потом догадался – тишина.

За прошедшие дни я уже успел привыкнуть к неумолчному гулу толпы, шагам и лязгу оружия. А сегодня... сегодня всего этого не было.

Спрыгиваю на пол и только сейчас замечаю стоящую у

окна Мирну. Она стоит, привалившись к стене и обхватив хрупкие, беззащитные плечи тонкими, казавшимися полупрозрачными в утреннем свете, руками.

Услышав мои шаги, оборачивается.

– Ты плачешь? Отчего?

Тонкое и гибкое тело прижимается ко мне. Ее руки обвивают мои плечи с неожиданной силой.

– Все закончилось... ты снова победил смерть.

– И это повод для слез?

– Какой ты толстокожий... я так боялась за тебя... за всех вас...

– И оттого пошла в этот, страшный для всех прочих, дом?

– Я не могу без тебя жить. Ты понимаешь это?! Сидеть и ждать страшных вестей о любимом человеке? Не знаю, есть ли такие женщины вообще?

Ласково глажу ее по голове, по пышным волосам, вдыхаю их знакомый, чуть терпкий запах.

– Ну, успокойся, моя сероглазка! Я рядом, живой и здоровый – чего ж еще желать?

Она не отвечает, только еще сильнее сжимает объятия.

Приподнимаю ее голову и осторожно, поцелуями, убираю с лица слезинки.

Ну вот, полегчало, наконец-то она улыбается.

– С чего ты взяла, что все кончилось?

– Посмотри... – кивает она на окно.

По привычке хоронясь за стеною, выглядываю на улицу.

Никто никуда не ушел.

Солдаты по-прежнему стоят, перегораживая площадь. Но их копья смотрят в небо. Не вижу и арбалетов. В середине строя открыт широкий проход.

– И что это значит?

– Они ждут твоего выхода. Это старый обычай – давать дорогу осажденному, чтобы он беспрепятственно покинул свою крепость.

– То есть – осада снята?

– Да.

Одеваясь на ходу, скатываюсь вниз. Тут уже все наготове, одеты, вооружены. Только морды не бритые и не умытые. Ну, я и сам-то... тоже хорош. За спиной Котов столпились слуги, среди которых я замечаю старика-управляющего и нескольких девушек. Интересно... девчонки... и где ж они все это время тут ныкались? Лексли куда-то запрятал, чтобы не ныли и не рыдали? Ага... вот он куда остатки «трупоподъемника» девал...

Однако выход задерживается – мне приходится умываться и даже скоблить свою щетину. Мирна с Лексли спелись и сообща насаждают на меня.

– Лорд должен выглядеть красиво!

И не поспоришь ведь – не поймут...

Лязгает запор двери.

В комнату падает солнечный луч.

Опережая меня, на улицу выскакивают Коты с арбалетами

в руках. Рассредоточиваются вокруг и внимательно оглядывают окрестные крыши. Лексли машет рукой – можно выходить.

На этот раз я без плаща – он украшает плечи моей серо-глазки. Как ни возмущался старший Кот, а я на этом настоял. Популярного разъяснения возможных последствий ее не то, что смерти – даже и ранения, ему оказалось вполне достаточно.

Вот и подпирает Мирну по бокам парочка небритых, и оттого особенно неприязненно выглядящих, Котов.

Ну вот, пришла и моя очередь.

Щурясь от яркого солнца, делаю несколько шагов вперед. Слитный лязг железа!

Обе шеренги солдат плавным движением опускаются на одно колено. Лязгнув металлом, ложатся на землю их щиты. Еще один лязг – поверх щитов опускаются копья. Дрогнув, склоняются блестящие шлемы.

Поднимаю голову и вижу, как следом за ними опускаются на колени и горожане. Их много, заполнена вся площадь и выходящие на нее переулки. И только посередине оставлена узкая полоска, по которой и следует наш маленький отряд.

«Если не знаешь что делать – делай шаг вперед!» Эта старинная самурайская мудрость и сегодня подсказывает мне правильное решение. Впереди, метрах в ста, нам навстречу движется процессия.

И кого ж нам Бог нынче послал?

Да уж... не поспешил...

Епископ Эрлих, собственной персоной. Глаза красные – мало спал? Торопился? Местный поп – опять забыл, как его зовут. Городской голова – бледный, но видно, как его распирает от удовольствия. Ничего сказать не могу – заслужил мужик свою долю славы! Да и попу спасибо сказать надобно... Какие-то военные, надо полагать, командиры солдат? Прочих не знаю, но, наверное, и они чем-то знамениты и значимы.

Когда до нас остается метров десять, встречная процессия останавливается. По знаку Эрлиха и они тоже опускаются на колени.

Так, а вот борзеть все-таки не нужно! Почести – оно, конечно, приятно, но пора и честь знать! Так тут поди только короля встречают? А я – не король, даже и не граф. Такими темпами я себе враз нехилый напруг в отношениях с верховной властью заработать могу. Ни к чему мне такой геморрой...

Прежде чем хоть кто-нибудь успеваешь вымолвить словечко, я подхожу к епископу и решительно поднимаю его с колен.

– Не пристало вам, святой отец, преклонять колени перед смертным! Да еще и не самым достойным этого!

Он неожиданно крепко меня обнимает.

– Сын мой, ты просто сам не представляешь, что ты сделал.

– Остался в живых – всего-то и делов!

А вот тут уже не выдерживает толпа... Орущие счастливые морды, охапки цветов. Женщины, несущие на руках мою сероглазку... девушки, обнимающие небритых Котов... все завертелось в каком-то калейдоскопе...

Прихожу в себя только на крыльце городской управы. Все уже более-менее организовано, весь городской ареопаг стоит за моей спиной, солдаты отгородили небольшое пространство перед крыльцом, оттеснив оттуда восторженную толпу. Гул и выкрики постепенно стихают. Сотни глаз смотрят на меня.

Так... что-то я должен сказать. Назначить виновных и наказать? Нет, не то и не сейчас. Наказание невиновных и награждение непричастных еще будет, но уж, как я надеюсь, без моего участия.

А вот одну вещь сделать надобно...

– Пусть выйдут сюда родители и близкие Оны!

Возня и движение в толпе.

И вот передо мною стоят несколько человек.

Зрелый поседевший дядька – отец, надо полагать. В его плечо вцепилась немолодая женщина, по-видимому, мать. Здоровенный мрачный парень и молоденькая девчонка, чем-то похожая на Ону. Ага, это брат с сестрой.

– Подойдите ко мне!

Они подходят, преклоняют колени.

– Встаньте. Как твое имя? – спрашиваю у отца. – Чем ты занимаешься?

– Логен, милорд. Раньше был кузнецом, но после болезни уже не могу держать молот. Помогаю в лавке почтенному Граю.

Стало быть, купцу пособляет. Не густо. Вон и одежда у них чиненная, я даже отсюда это вижу. Но одеты они аккуратно, видно, что стараются марку держать. А нелегко это им дается, вон у жены глаза красные, да руки в морщинах – от стирки? Глаза – понятно, от слез. Их дочь не вышла вместе с нами, стало быть, ее нет в живых.

– А твой сын? Что делает он?

– Работает подмастерьем в кузнице. Он еще молод, милорд, и не скоро станет мастером.

– А станет?

– Постараюсь, милорд! – неожиданным басом говорит парень. – Отцу надо помогать!

Так, правильная семейка. Отчего выбор пал на их дочь – бог весть. Но для них это было подарком судьбы. Было...

– Подойди сюда, Логен.

Нерешительно комкая в руках шляпу, он поднимается на крыльцо.

– Я должен сказать тебе спасибо! За твою дочь – за Ону! Ты воспитал храбрую и сильную девушку!

Поднимаю голову и выступаю вперед.

– Мы все! Весь город обязан склонить голову перед па-

мятью этой отважной девушки и перед ее родителями! Благодаря ей не произошло страшного – не вырвался на волю Шерн!

Подробно разъяснять этого я сейчас не стану. Не время и не место. А вот власть лорда проявить нужно.

– Ты более не работаешь в лавке у почтенного Грая! С завтрашнего дня ты и твоя семья переезжаете в мой замок.

Он растерян.

– Но... милорд, что мы там будем делать?

– Ну, раз уж ты справлялся с кузницей и в купеческой лавке... с замком справишься?

Толпа ахает. Ни хрена себе подарочек!

– Будешь моим управляющим, тем более что старого пришлось экстренно уволить. Твоим детям тоже найдется, чем там заняться. Согласен?

Мужик обалдело кивает.

– Если у тебя и твоей семьи есть какие-то долги... – обвожу внимательным взглядом толпу. – То пусть подойдут ко мне те, кому ты должен. Надеюсь, что моих денег хватит, чтобы с ним расплатиться...

Я действительно на это надеюсь. Вот только до ближайшего отделения банка Святого Вайта добраться будет надо. Ибо наличности у меня не так уж и до фига.

– Ты сам и все твои потомки до седьмого колена более не будете платить никаких налогов! Никому! Ни лорду, ни городу!

Судя по воодушевлению толпы, подарок весьма основательный. Ну и правильно! Не люблю я налоговиков, хоть тут, да воткну им шпильку.

Поворачиваюсь к городскому голове.

– Пусть выкатят на площадь бочки с вином и пивом! Накроют столы! Всем жителям города – три дня гулять!

Не из моего же кармана...

А народу-то как подфартило, вон воодушевление выше крыши бьет.

Ну, на этой мажорной ноте можно и завершить явление лорда народу. У него, то есть – у народа, теперь и поинтереснее дела найдутся...

– Присаживайтесь, товарищи родные!

Присутствующие удивленно на меня вытаращились. Подобного обращения со стороны лорда никто из них до сих пор явно не слыхивал.

Я осмотрел комнату. Помимо епископа здесь присутствовал еще один не знакомый мне товарищ из его ведомства. Дядечка этот был уже в весьма преклонном возрасте, и, судя по его хитрой морде, явно проходил по разряду специалистов, о чьей деятельности широко не сообщается. Естественно, присутствовал тут и Лексли, олицетворявший собою персону командира Котов. Словом, компания подобралась серьезная и авторитетная.

– Ваше преосвященство! Может быть, вы соблаговолите

представить мне своего коллегу? Судя по некоторым моментам, ему явно не впервой заниматься решением подобных вопросов.

Епископ смущенно кашлянул.

– Прошу меня простить, сын мой, я действительно несколько упустил из виду этот момент. Отец Варшани является признанным специалистом в вопросах борьбы...

«...с терроризмом!» – мысленно продолжил я фразу епископа.

– ...с отравителями и последствиями их деяний. Он также крупнейший на данный момент специалист по истории применения Шерна. Я надеюсь, что его познания, с учетом имеющейся у нас на сегодняшний день информации, позволят хоть немного развеять завесу тайны над этим прискорбным случаем.

Киваю. Чего-то в этом роде я и ожидал. Не может же быть так, чтобы самая информированная в этом мире структура не располагала сведениями обо всех случаях применения подобной гадости. Можно было, конечно, постучаться и к королю. И наверняка он не отказался бы поделиться имеющимися у него сведениями. Возможно, что это и принесло бы какую-то пользу. Только вот, хорошо представляя себе масштабы королевской бюрократии, я не строил никаких иллюзий в этом плане. Одно ожидание ответа из королевской канцелярии могло бы занять столько времени, что все причастные к делу давным-давно растворились бы в неиз-

вестности. А Церковь здесь умеет работать быстро, я уже на собственном опыте успел понять, насколько вдумчиво и эффективно они подходят к серьезным вопросам. Да и смутно мне верилось в то, что королевские чиновники проявят в подобном деле не то чтобы небывалый энтузиазм, а хотя бы элементарную расторопность. Как ни крути, а для короля я остаюсь потенциальной угрозой. Церковь же на сегодняшний день являлась моим неофициальным союзником. Никаких договоренностей мы друг с другом не заключали, верительными грамотами не обменивались, но взаимопонимание и без этого было достаточно хорошим.

– Итак, господа, на сегодняшний день мы имеем следующее, – я поставил на стол флакон из толстого, чуть мутноватого прозрачного стекла. На дне флакона сиротливо перекачивался бронзовый шипастый шарик. – Отравление происходит после того как жертва уколется об эти шипы. Скорость заражения в данном случае менее минуты. Отравленный человек практически сразу становится агрессивным и пытается напасть на окружающих. Яд передается через кровь или через глаза, рот, нос и тому подобные естественные отверстия. При попадании на кожу отравления не происходит. Во всяком случае, до тех пор пока кожа цела. Возможно, яд и подействует спустя некоторое время, но, как вы понимаете, у меня не было ни желания, ни возможности это проверять. Смыть яд с кожи возможно, используя ткань, пропитанную очень крепким вином.

– Насколько крепким? – вопросительно поднял бровь отец Варшани.

– Примерно настолько, – ставлю на стол бутылку с самогоном. Варшани открывает пробку и ничтоже сумняшеся хлебает прямо из горла.

Эк! Силен мужик...

На секунду в комнате наступила тишина. Все с интересом наблюдали за экспериментатором. Один только Кот прятал ехидную ухмылку в усы.

Глаза у священника медленно вылезли на лоб, который тут же покраснел. Однако никакой другой реакции не последовало. Прошло еще несколько секунд, и он наконец выдохнул. Достаяю из кармана кусок хлеба и протягиваю ему.

– Понюхайте, святой отец. А потом – съешьте его.

Варшани следует моим указаниям, и его лицо понемногу приобретает нормальный цвет.

– Однако же, милорд... О таких вещах надо предупредить.

– Ну, я же не предполагал, что вы сразу приступите к испытаниям! – развожу руками.

– Да, таким вином действительно можно убить любую отраву.

– Не только отраву. Этой жидкостью можно протирать раны, дабы они не воспалились.

– И где же брать такое вино?

– Это к Мирне. У нее есть аппарат, который позволяет по-

лучать такую жидкость. Для этого используется зерно, хотя можно в исключительных случаях брать свеклу, мед и другие продукты. Просто из зерна получается наиболее чистый напиток. Хочу сразу вас предостеречь от попыток пробовать его таким образом, как вы это сделали сейчас. Здоровья точно не прибавится, а обжечь себе рот вы можете очень даже запросто.

Епископ удовлетворенно кивает.

– Как убрать яд с тела, мы теперь знаем. Знаем также и то, что при простом соприкосновении с отравленным другой человек не пострадает. Естественно, если он не будет при этом укушен или оцарапан. Понятно, как яд попадает в тело человека. Это, несомненно, будет нам всем полезно. Но, как я понял, у вас, милорд, есть еще что-то?

– Да, ваше преосвященство. У нас есть отравитель. Вернее, его тело. Это слуга, который шесть лет прослужил в доме у покойного графа.

Присутствующие слегка оживились.

– В его комнате удалось найти два тайника. Один из них был обыкновенной ловушкой, рассчитанной на не слишком опытного человека. Зато во втором мы нашли вот это, – ставлю на стол серебряное яйцо. – Этот предмет лежал в тайнике очень давно. Слуга, когда ложился спать, по привычке трогал рукой тайник. И в итоге отполировал дерево так, как это не смог бы сделать никакой мастер. Прodelать это рукою за месяц или даже за год совершенно невозможно. Я не думаю,

что он стал отравителем вчера или позавчера. Скорее всего, яд давно ждал своего часа. Был ли его целью бывший граф или я – сейчас трудно выяснить.

– То есть, слуга хранил у себя в комнате дозу яда, способного отправить в мир иной целый город? – задумчиво проговорил епископ. – Я уж не говорю о том, что обыкновенному слуге это просто не по карману. Но насколько же извратился его ум, чтобы несколько лет носить за пазухой смерть для окружающих!

– Добавьте к этому, ваше преосвященство, и его незаурядную силу воли. Подбросив ко мне в постель яд, он не покинул здание, хотя свободно мог это сделать. Он лично убедился в том, что его удар достиг цели.

– Но он же не отравил вас, – поднимает голову отец Варшани.

– Он не мог знать, каким именно образом происходит заражение всех остальных. С его точки зрения, произошедшего на его глазах было вполне достаточно для того, чтобы посчитать задание выполненным. Подложив ко мне Шерн, он сам принял яд. Вероятнее всего, он не собирался покидать дом, но при этом не хотел умереть настолько мучительной смертью.

– В таком случае, – Варшани побарабанил по столу пальцами, – его поведение имело какую-то цель. Если он не покинул дом и остался, чтобы проконтролировать успех своей миссии, то это делалось не из праздного любопытства. Он

должен был кому-то сообщить результаты того, что увидел.

– Или повторить удар.

– Каким образом?

– А вот каким! – осторожно развинчиваю яйцо на две половинки. В углублении лежит перстень. Он тоже бронзовый. Достая из ножен рунный клинок и подношу его к перстню. Едва коснувшись его, кончик клинка чернеет, и мы все слышим низкое гудение.

Чуть побледнев, епископ откидывается на спинку стула.

– Впечатляет... – облизывает он кончиком языка пересохшие губы.

Отец Варшани уважительно кивает.

– Да... признаться, я первый раз вижу такой интересный способ распознавания ядов... да и Рунный клинок в действии мне вот так близко видеть раньше не доводилось. На лезвии не остается яда?

– М-м-м... не проверял. А как?

– Действительно...

– Я протираю его после тканью, смоченной в... в вине. Хотя, если подумать, то клинок, скорее всего, просто не терпит около себя ничего, что способно причинить смерть иначе, чем он это делает сам. И не принимает на себя ничего постороннего. Во всяком случае, пролитая им кровь исчезает почти мгновенно. Он словно выпивает ее... или уничтожает.

– Даже так? Вы его прямо живым считаете...

– А вы?

– Не знаю. В нашем распоряжении не осталось ни одного такого клинка.

– То есть? Насколько я в курсе дела, здесь уже было достаточно... Серых. Неужто их оружие куда-то исчезает с их... уходом?

– Все оставшиеся нам после таких случаев клинки – это обычные клинки. Не хуже и не лучше других. Остается только узор, все прочие качества пропадают со смертью владельца.

– Вот как? Не знал... А что еще известно о них?

– Клинок неразрывно связан со своим хозяином. Известны попытки его украсть. Некоторые даже были удачными.

– И как?

– Он всегда возвращается к законному владельцу. Самыми разными способами. Но при этом вор и тот, кто последний им владел – погибают.

– От клинка?

– Не обязательно. Но с железной вероятностью.

– Весело...

– Любое ранение этим клинком – смертельно. Человек умирает за несколько секунд.

Киваю – это я уже видел. Впечатлило донельзя.

– А на меня он действует так же?

– Нет. Для вас он не опаснее любого другого меча.

– То есть я могу им бриться при желании?

– Можете. Хотя с трудом представляю себе этот процесс. Я, честно говоря – тоже. О чем и сообщаю собеседнику.

Тот понимающе кивает.

– Никакие доспехи или щиты от Рунного клинка не защитят. Им можно нарезать в лапшу металлическую колонну. Трудно, но выполнимо.

– Учту. Хотя, откровенно говоря, не представляю себе необходимости в таком странном деянии.

– Клинок также защищает своего владельца.

– Каким образом?

– Неизвестно. Но об этом все говорят. В смысле – все Серые.

– А как именно?

– Да хоть бы и так, – указывает на яйцо с перстнем хитропоп. – Разве этого мало?

Вынужден признать его правоту. Действительно, подарок немаленький!

– Кстати... – приподнимается он с места. – Минуточку...

Проворно, несмотря на свои габариты и возраст, подходит к камину и зачерпывает из него горсть золы.

– А подставьте-ка клинок...

Подойдя к нему, поворачиваю Рунный клинок плашмя и наклоняю над топкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.